

А Л Ь М А Н А Х

п и л о т н ы й в ы п у с к

АСТА SAMIZDATICA /

Записки о самиздате

А Л Ь М А Н А Х
АСТА SAMIZDATICA / ЗАПИСКИ О САМИЗДАТЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ,
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
«МЕМОРИАЛ»

АСТА SAMIZDATICA /

Записки о самиздате

А Л Ь М А Н А Х

Пилотный выпуск

МОСКВА

ГПИБ России – Международный Мемориал – «Звенья»

2012

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63-4+63.3(2)Рос-4
A19

Acta samizdatica / Записки о самиздате : альманах : **пилотный выпуск / сост. Е.Н.Струкова, Б.И.Беленкин**; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». – М., 2012. – 135 с.

ISBN 978-5-85209-300-4

ISBN 5-7870-0115-0

В пилотном выпуске альманаха собраны работы исследователей самиздата и пограничных сюжетов новейшей истории, связанных с распространением неофициальной информации в СССР и на постсоветском пространстве.

Издание рассчитано на специалистов в области новейшей истории, архивоведения, библиотечного дела, а также на широкий круг читателей.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63-4+63.3(2)Рос-4

*За помощь и консультации в работе составители
благодарят Габриэля Суперфина*

ISBN 978-5-85209-300-4
ISBN 5-7870-0115-0

© ГПИБ России, 2012 г.
© Международный Мемориал, 2012 г.

Содержание

От составителей	5

Часть 1. К постановке проблемы

<i>Елена Струкова.</i> Самиздат как памятник книжной культуры второй половины XX века	7

<i>Борис Беленкин.</i> «Рукописное» как «печатное»?.. «Печатное» как «рукописное»?.. Малотиражные издания в контексте современного культурного процесса: проблемы идентификации, легитимности, доступности, сохранности и качества	14

<i>Алексей Макаров.</i> От личной коллекции самиздата к общественной библиотеке. Трудности границ и дефиниций	24

Часть 2. Детали

<i>Геннадий Кузовкин.</i> Научное издание «Хроники текущих событий» и новые возможности для изучения Самиздата	36

<i>Алексей Макаров.</i> Преследования преподавателей йоги в Советском Союзе	46

<i>Николай Поселягин.</i> «Атмода» и национальный вопрос в Прибалтике	54

<i>Илья Кучанов.</i> Рукописные комментарии на агитматериалах: из коллекции ГПИБ России	63

Часть 3. Сюжет

Цветаевские встречи и самиздатский сборник «Все о Цветаевой»

<i>Анна Комароми.</i> Тогда, в те застойные годы, это было нужно	79

<i>Анастасия Кострюкова. Читать и слышать настоящую литературу</i>	84
Отрывки из интервью Анны Комароми со Львом Мнухиным	94

Часть 4. Публикации

<i>Иван Ковалев. Некоторые соображения о помощи политзаключенным: Памятка. 1979 г. Публикация и вступительная заметка Алексея Макарова</i>	101
<i>Ася Лаццивер. Диссидентские воспоминания. Публикация и вступительная заметка Елены Струковой и Ирины Лаццивер</i>	107
<i>Послесловие Ирины Лаццивер</i>	120

Часть 5. Библиография

Краткий аннотированный библиографический список малотиражных (менее 100 экз.) изданий, хранящихся в библиотеке Международного Мемориала (по жанрам). Приложение к статье «Рукописное» как «печатное»? «Печатное» как «рукописное»? <i>Составитель Борис Беленкин</i>	121
Сведения об авторах	135

От составителей

Предлагаемый вашему вниманию альманах – результат нескончаемых дебатов группы исследователей, которые решили посвятить свое время изучению такого феномена общественной жизни позднего СССР, как «самиздат».

Эпоха, о которой идет речь почти во всех статьях альманаха, закончилась в конце 1980-х, и именно в это время победное шествие самиздата стало для современников очевидной реальностью.

Тем не менее в «исследовательских разговорах» самиздат фигурировал не только как составляющий элемент советской контркультуры (в самом широком смысле этого понятия). Сразу же возникала и тематика сегодняшнего дня. Закономерно, что альтернативность, присущая самиздату, и сейчас не потеряла своей актуальности; востребован сегодня и «ментальный опыт» самиздата.

Поиски различных способов воспроизведения и распространения текстов и «картинок», альтернативных по своим политическим и/или художественным признакам, продолжаются и в реалиях сегодняшней России (да и не только России). Продолжаются с учетом кардинальных изменений, произошедших в обществе, в том числе в сфере медиакоммуникаций. Речь здесь идет не только о литературных текстах – художественных, политических и иных, но и о разного рода кино- и фотопроизведениях, изобразительном искусстве и др. Все они ждут своего исследователя.

Основу этого – пилотного – выпуска составили материалы «круглого стола» «Эзотерический самиздат в СССР» (декабрь 2010 г.) и Первых Чертковских чтений (сентябрь 2011 г.).

Выпуск состоит из пяти частей. В первой из них – «К постановке проблемы» – авторы высказываются по дискуссионным вопросам и приглашают читателя вступить в диалог. Вторая часть – «Детали» – посвящена различным аспектам изучения самиздата и путей распространения неофициальной информации. В частях 3–4 представлены архивные находки, воспоминания и интервью. Наконец, в пятой, библиографической, части публикуется аннотированный список редких изданий, посвященных взаимоотношениям власти и общества в СССР (в том числе репрессиям), из библиотеки Международного Мемориала.

Часть 1. К постановке проблемы

Елена Струкова

Самиздат как памятник книжной культуры второй половины XX века

До недавнего времени самиздат главным образом был сферой интересов историков. В первую очередь он интересовал исследователей как феномен своего времени. Текст, опубликованный и распространенный в самиздате, имел для исследователя гораздо большее значение, нежели внешние особенности материального носителя, на котором этот текст был воспроизведен.

Между тем внешние признаки документа очень важны для изучения контекста эпохи. Попробуем рассмотреть материалы самиздата с точки зрения библиотекаря.

Для этого я обращаюсь к тому документу, который успешно используется для описания особо ценных книг. Речь идет о межгосударственном стандарте 7.87-2003 «Книжные памятники. Общие требования»¹. Разработчики стандарта предлагают нам определения, описывающие, что именно, по их мнению, является книжными памятниками. В ГОСТе под этим термином подразумеваются: «рукописные и печатные книги, книжные коллекции, обладающие выдающимися духовными, эстетическими, полиграфическими или документирующими свойствами, представ-

¹ Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Книжные памятники. Общие требования = System of standards on information, librarianship and publishing. Book monuments. General requirements : Межгосударственный стандарт ГОСТ 7.87-2003: Введен 01.01.2005. М.: ИПК, 2004. 6 с.

ляющие общественно значимую научную, историческую или культурную ценность и охраняемые специальным законодательством»¹. Если мы дочитаем фразу до конца и вычеркнем последние слова, касающиеся специального законодательства, то под это определение вполне может подпадать самиздат.

Читаем межгосударственный стандарт далее. Речь идет о том, что различают несколько видов книжных памятников, и здесь для нас представляют интерес следующие определения: «единичный книжный памятник» и «памятник-коллекция»².

В стандарте указано, что единичный книжный памятник – это «рукописная книга или отдельный экземпляр печатного издания, обладающий самостоятельными качествами ценного историко-культурного объекта», а понятие «коллекция – книжный памятник» означает «организованное собрание единичных книжных памятников и (или) книг, только в совокупности обладающих свойствами ценного историко-культурного объекта»³. Также ничего нового для исследователей самиздата: признавая уникальность экземпляра, вышедшего в самиздате, мы обязаны уделять особое внимание коллекциям и собраниям материалов.

Таким образом, применяя определения и формулировки межгосударственного стандарта к объекту наших исследований – самиздату, мы вполне успешно можем воспользоваться разработанной терминологией и классификацией.

Следующее важное положение ГОСТа – указание, по каким стандартам должен быть описан книжный памятник. Приведем эти параметры полностью:

¹ Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Книжные памятники. Общие требования = System of standards on information, librarianship and publishing. Book monuments. General requirements : Межгосударственный стандарт ГОСТ 7.87-2003: Введен 01.01.2005. М.: ИПК, 2004. 6 с. С.2.

² Там же. С.3.

³ Там же.

«Описание книжных памятников состоит из полного библиографического описания по ГОСТ 7.1, ГОСТ 7.80 и специфической части, которая включает в себя аннотацию с подробными книговедческими характеристиками издания в целом, конкретного экземпляра с указанием его шифра и инвентарного номера:

- уровень (категория) книжного памятника;
- история издания;
- сведения о происхождении книжного памятника;
- художественное оформление (иллюстрации, экслибрисы);
- техника печати;
- бумага (носитель);
- дарственные надписи, пометы;
- переплет (высокохудожественный, владельческий и т.п.);
- физическое состояние конкретного экземпляра;
- другие индивидуальные особенности экземпляра»¹.

Кроме рубрики «уровень (категория) книжного памятника», все остальные характеристики в той или иной мере обсуждались на международных конференциях и встречах. Возможно, стоит принять уже разработанный стандарт к материалам, опубликованным в самиздате, и, конечно же, признать самиздат памятником книжной культуры, чем он, по моему глубокому убеждению, является.

Теперь попробуем представить, что же нас ждет, если самиздат будет признан книжным памятником.

Мы понимаем, что самиздат многолик и многогранен. В круг литературы, циркулировавшей в самиздате, входили разнообразные, часто несовместимые по смыслу и жанру произведения. Например, политические письма протеста,

¹ Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Книжные памятники. Общие требования = System of standards on information, librarianship and publishing. Book monuments. General requirements : Межгосударственный стандарт ГОСТ 7.87-2003: Введен 01.01.2005. М.: ИПК, 2004. С.4.

обращения советских диссидентов к международному сообществу и сборники лирических стихотворений. Самиздат – это нелегальные лекции астрологов, записанные слушателями, стенограммы доклада Н.Хрущева на XX съезде КПСС, сочинения З.Фрейда и Г.Юнга, мемуары тех, кто уцелел в сталинских лагерях, это проза А.Солженицына, публицистика А.Сахарова, А.Меня, Г.Померанца, тексты песен А.Галича, Б.Окуджавы, В.Высоцкого, это переводы Д.Оруэлла, М.Джиласа, А.Камю, а также наивно-эротические «Ветка персика», «Камасутра» и прочее развлекательное чтение. Все это особый мир самиздата.

Самиздат – термин международный. Только на Украине он называется «самвидав»¹, но на это есть исторические причины.

Еще в 1940-е годы на машинописных и рукописных сборниках своих стихотворений поэт Николай Глазков обозначал издательство «СамСебяИздат». Так и появилось название у явления, значение которого стало ощущаться в обществе несколько позже.

По аналогии с термином «самиздат» появились и другие: «тамиздат» – для обозначения литературы, издававшейся за рубежом, нелегально привезенной и распространяемой в СССР, «магнитиздат» – неофициальные записи песен и лекций. Но все это были производные термины от «самиздата».

Термин «самиздат» означает для нас не только сам текст и способ воспроизведения текста, но и эпоху. А именно эпоха самиздата сформировала то поколение, которое приняло и поддержало реформы М.Горбачева и перестройку.

Общественная значимость распространения текстов, изданных в самиздате, на мой взгляд, и стала главной причиной нескончаемых научных дебатов на тему «Что такое самиздат?». Как это ни парадоксально, все существующие

¹ См., напр.: Обертас О. Український самвидав. Київ: Смолоскип, 2010. 298 с.

сегодня точки зрения сводятся к следующим: что первично – «сам себя» или «издат». То есть что для исследователя наиболее важно: информация, опубликованная в самиздате, или же сам способ печати. Первая точка зрения задолго до научных дискуссий была сформулирована В.Буковским в книге «И возвращается ветер»: «Самиздат: сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за него»¹.

Большинство исследователей, отмечая уникальность и индивидуальность внешних особенностей материалов самиздата, в первую очередь указывали на общественное значение распространения самиздата в обществе. В этом плане спорным, но очень интересным, на наш взгляд, является определение самиздата именно как книжного памятника, высказанное А.В.Соколовым – специалистом в области теории коммуникаций: «"Самиздатовскому" производству присущи три отличительных признака: во-первых, это литературное произведение, зачастую имеющее высокие художественные достоинства; во-вторых, оно тиражировалось путем переписки (машинописи, копирования) и в силу этого относится не к современной индустриальной книжности, а к догутенберговской рукописной книжной культуре; в-третьих, нелегальный и наказуемый способ распространения вне официально контролируемых формальных коммуникационных каналов. Объединяя перечисленные признаки, получаем следующее определение: **самиздат** – способ (система) нелегального (неформально-го) распространения рукописной литературы»².

Безусловно, здесь присутствует ошибочное представление о самиздате как исключительно о текстах с высокими художественными достоинствами, которые были воспроизведены на пишущих машинках, и то, что за рамками вни-

¹ Буковский В.К. И возвращается ветер. М.: Новое изд-во, 2007. С.118.

² Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации : Учеб. пособие. СПб.: Изд-во В.А.Михайлова, 2002. 459 с. (Цит. по интернет-версии: <http://evartist.narod.ru/text16/081.htm> / Дата обращения 10 октября 2012 г.)

мания автора остаются документы, изготовленные фотоспособом, и ксерокопии, а также другими, подчас необычными способами тиражирования материалов. Здесь важно то, что автор обращает внимание на самиздат как уникальную книгу.

Определение А. Соколова указывает нам на второй проблемный узел исследований самиздата. Правомерно ли вести хронологию самиздата от первопечатных книг и заканчивать текстами интернет-блогеров? Безусловно, нет. Нижнюю хронологическую границу, на наш взгляд, определяет XX съезд КПСС, а верхняя граница – это перестройка. Условно: от стенограммы речи Н.Хрущева на XX съезде КПСС до стенограммы речи Б.Ельцина в октябре 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС.

Перестройка, безусловно, стала верхней границей явления, именуемого самиздатом. И нанесла ему непоправимый урон, поскольку именно в период перестройки, «журнального бума», многие хранители самиздата заменяли в своих собраниях некачественные копии на новые, только что вышедшие печатные издания.

«Ой, как хорошо, что вы это в библиотеку заберете, а то я уже хотела на помойку отнести» – такую фразу нередко можно слышать, получая в дар поистине бесценные экземпляры.

В каком-то смысле нам нужно быть благодарными, что общество не осознало ценность самиздата как памятника книжной культуры, и мы имеем возможность формировать фонды практически на основе дарений или, выражаясь страшным библиотечным языком, «актов пожертвования».

Но историческая ценность самиздата уже начинает осознаваться нашими современниками. Конечно же, пока только теми, кто профессионально работает с книгами. Уже сейчас на букинистических интернет-сайтах предлагают книги самиздата по достаточно высоким ценам. Например: «Гроссман Василий. Все течет. Самиздатовская книга 1980-е гг., самодельный переплет, увеличенный формат.

Цена 6000 руб.» или «Булгаков М. Роковые яйца. Ксерокопия с 1928 года изд. Рига. Литература. Б/г. 184 с. Твердый владельческий переплет. Обычный формат. Цена 800 руб.»¹

И мы прекрасно понимаем, что с момента объявления самиздата памятником книжной культуры стоимость этих и других экземпляров стремительно возрастет. А также становится очевидным, что библиотеки и архивы должны будут создать надлежащие условия хранения для книжных памятников недавней эпохи.

Но рано или поздно общество признает ценность самиздата и как общественного явления, и как книжного памятника. Ведь без понимания этой ценности целый культурный и политический срез эпохи второй половины XX века будет отражен для наших современников и последующих поколений исследователей субъективно.

Первым шагом в этом направлении могла бы стать реализация проекта по созданию виртуального музея самиздата, в нем могут быть отражены материалы из общественных, государственных и частных собраний (в том числе с включением наиболее интересных экземпляров эпохи перестройки). Описание экземпляров может проводиться с применением уже разработанных ГОСТов, о которых мы говорили выше. Это будет апробация возможностей предлагаемого описания, а также поиск новых уникальных экземпляров, находящихся в частных коллекциях или в нераскрытых архивных собраниях.

Именно формирование виртуального музея как первого этапа сводного каталога советского самиздата даст нам возможность доказать актуальность проблемы сохранения общественного и культурного наследия инакомыслия в СССР и наконец-то ответить на вопрос: «Что же такое самиздат?».

¹ На 10 октября 2012 г. указанных книг в продаже на интернет-сайте www.alib.ru нет. Однако в поисковой строке можно набрать слово «самиздат» и посмотреть, какие издания предлагаются к продаже.

«Рукописное» как «печатное»?..

«Печатное» как «рукописное»?..

**Малотиражные издания в контексте
современного культурного процесса: проблемы
идентификации, легитимности, доступности,
сохранности и качества**

Тему моего сообщения можно сформулировать и так: Особенности бытования малотиражных (тиражом менее 100 экз.) изданий, их статус, особенности (разновидности), место в научном, библиотечном, культурном, информационном пространствах. В своем исследовании я буду апеллировать к изданиям, чей тираж менее 100 экземпляров, и именно их, дабы не вызывать путаницы и выделить из общего потока малотиражных изданий, я буду называть «сверхмалотиражными».

Малотиражные издания предлагается рассматривать в контексте сегодняшнего состояния (культурного, политического, экономического и др.) общества. Поскольку сообщение подготовлено исключительно на материале и опыте работы только одной библиотеки – библиотеки Международного Мемориала, мною не ставится задача полностью (или даже частично!) раскрыть заявленную тему (а точнее – темы). Вовсе нет. Моя задача, и это я хочу подчеркнуть, – всего лишь постановка соответствующих вопросов и проблем.

Итак, что есть такое малотиражные издания? Это издания тиражом менее 500 экземпляров?.. или менее 300?.. Еще не так давно малотиражными считались издания, вышедшие тиражом 500 и менее экземпляров. Сегодня уже принято (не знаю, насколько это официальная точка зрения, но консультировавшие меня специалисты в области библиотечного дела называли эту цифру) – 300 и менее экземпляров.

Почему я выбрал именно их? Опыт работы даже в небольшой специализированной библиотеке показал, что эти издания стали заметным явлением современного книгоиздательского процесса. Еще с начала 1990-х годов они стали определенным показателем состояния книгоиздания и книгораспространения. Но не только. Эти издания стали отражением и культурного состояния общества, и культурной ситуации в обществе.

В качестве вступления всего несколько слов о сегодняшнем состоянии книгоиздания в России. Укажу хотя бы на такую вполне обобщающую интернет-публикацию, как «Кошмар книгоиздания в первом полугодии 2011 г.»¹. Приведу из нее цитату:

«Налицо кошмар: св. 40 % книг издано тиражом ДО 500 экз. А ведь это не 499 экз. Это тиражи 50–100–200 экз. Эти книги едва доступны по месту издания. Вместе с книгами тиражом «ДО 1000 экз.» получаем: БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ НАЗВАНИЙ изданы таким мизерным тиражом, что недоступны практически нигде».

И еще одна цитата, в которой речь идет о «Законе об обязательном экземпляре»:

«Со времени принятия Закона прошел срок, достаточный для того, чтобы определить уровень его реализации на практике. Известно, что библиотеки-получатели считают, что полнота доставки обязательных экземпляров в их фонды весьма далека от идеальной. С другой стороны, издатели полагают, что узаконенное число обязательных экземпляров слишком обременительно для них как в том случае, когда приходится высылать дорогостоящие издания, так и в том случае, когда издание является малотиражным (100–150 экз. или чуть более). Исходя из этой логики, в качестве обязательных экземпляров «не накладно» для издателей

¹ Кошмар книгоиздания в первом полугодии 2011 // Планета е-книг : [Блог интернет-проекта Российской государственной библиотеки для молодежи]. 28 июля 2011. <http://blog.rgub.ru/ekniga/2011/07/28/koshmar-knigoizdaniya-v-pervom-polugodii-2011/>. Дата обращения 10 октября 2012 г.

посылать издания, выпущенные массовыми тиражами, и таким образом библиотеки-получатели (среди них национальные и крупнейшие научные) смогут комплектовать свои фонды лишь за счет ширпотребовской продукции, «дамских» романов, триллеров и тому подобной чепухи. Вся научная, научно-методическая, справочная и учебная литература окажется вычеркнутой из комплекта обязательных экземпляров и, соответственно, в значительной мере из фондов этих библиотек»¹.

В этой публикации приводятся только самые общие (обобщенные) разбивки по тиражам. Отметим для нас главное: более 40 % названий книг, выпущенных в первом полугодии 2011 г., – это издания тиражом 500 и менее экземпляров. То есть малотиражность стала показателем книгоиздательского дела. Выводы из такой статистики делаются неутешительные: стремительное падение тиражей «качественной» литературы и – рост тиражей «бульварной книжной продукции»...

Обратимся к опыту конкретной библиотеки – библиотеки Общества «Мемориал». Это небольшая специализированная библиотека, в ее фондах свыше 30 тысяч книг и брошюр. Из них приблизительно 75–80 % – это российские издания последних двадцати лет. Основная тематика фонда – история XX века, история СССР. Наиболее полно комплектуется литература по истории репрессий, истории коллективизации и голода, истории инакомыслия... Но, конечно, – и история культуры, науки, Вторая мировая война, перестройка, права человека...

Среди описаний, занесенных в библиографическую базу данных, мною выявлено около 400 книг и брошюр, тираж которых не превышает 100 экз. Подчеркиваю: изданий, в которых указан тираж. Полагаю, в нашей библиотеке еще

¹ Шилов В.В., Брагинец В.В. Федеральный экземпляр документов : Вопросы количества и распределения // Научно-технические библиотеки. 2001. № 6 (http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2001/6/f06_03.htm). Дата обращения 10 октября 2012 г.

столько же, если не больше, подобных изданий, в которых тираж не указан, то есть тираж невозможно установить по библиографическому описанию издания.

Менее 300 составляют издания, отпечатанные тиражом 100 экз. То есть малотиражные издания. Кроме них, 46 изданий – тиражом 50 экземпляров, есть несколько книг, тираж которых составил 10, 20, 30, 40, 60, 70 и 80 экземпляров, в выходных данных есть и такие странные цифры, как 37, 55, 61 и 99 экземпляров... Всего изданий тиражом менее 100 экз. – 85¹. Среди этих сверхмалотиражных изданий в наших фондах 62 книги и 23 брошюры. По способу печати 16 изданий составляют распечатки и прочее очевидное «домашнее производство»; 50 изданий изготовлено типографским способом.

По жанрам распределение следующее: мемуарная литература – 24 издания; справочная (в том числе Книги памяти, архивные справочники) – 11; монографии, публикации документов, материалы конференций (семинаров, «круглых столов») – 8; библиографические указатели, художественная литература, публикации отдельных докладов (статей), библиографические указатели – 4; сборники научных статей – 3; каталоги выставок, методические материалы – 2; учебник – 1. Отметим, что в нескольких случаях определение жанра издания вызвало затруднение.

Международный стандартный книжный номер указан на 26 изданиях...

Что в этих изданиях в первую очередь обращает на себя внимание? Безусловно, их раритетность. Большинство из них были принесены в библиотеку авторами – адресно. Какие-то попали случайно: где-то в далеком регионе автор кому-то дал экземпляр, а уже этот «кто-то» принес или передал его в нашу библиотеку... О некоторых издани-

¹ В приведенной выше статистике не учтены имеющиеся в библиотеке малотиражные: авторефераты диссертаций, оттиски научных статей, поэтические сборники и беллетристика, не имеющие отношения к тематике наших фондов, так называемые произведения городских сумасшедших и т.п.

ях известно, что весь тираж, за исключением экземпляра, переданного в «Мемориал», разошелся среди знакомых и родственников...

Что еще обращает на себя внимание в этих изданиях? Сходство с самиздатом. Самиздат, по определению А.Даниэля, «это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде»¹.

Но современное схожее с самиздатом по ряду признаков издание – своего рода противоположность самиздату «классическому». Тираж и распространение сегодняшнего самиздата во власти автора (однако нельзя забывать о практике «пиратских» перепечаток малотиражного книжного дефицита – о чем будет сказано ниже). По смыслу автор вернулся в состояние «самсебяиздата» (по термину поэта Николая Глазкова). Конечно, понятие «самиздат» даже по формальным признакам не очень подходит к выделяемой мной книжной продукции. Один мой коллега предложил ее для большей точности называть «книжный самопал» (здесь, правда, есть одна неточность: некоторые «сверхмалотиражные» издания по способу и качеству изготовления ничем не отличаются от тех, что отпечатаны тиражом в несколько сотен экземпляров). И еще – классический самиздат отличает от современного «книжного самопала» то, что существенной составляющей самиздата была его запретность и постоянный риск угодить за его изготовление и распространение за решетку...

Что еще обращает на себя внимание? Безусловно, «генетическая» близость сверхмалотиражных изданий тому, что принято называть рукописью. На некоторых изданиях так и написано: «На правах рукописи».

¹ Антология самиздата : Неподцензурная литература в СССР, 1950-е–1980-е. Т. 1. Кн. 1. М.: Междунар. ин-т гуманитарно-политических исследований, 2005. С.17.

Итак, с чем же мы имеем дело? С рукописной или с печатной книгой?

Но что есть книга? Не буду приводить не вполне уместные для нашего разговора цитаты из энциклопедий и справочников (да они и устарели уже в большинстве своем). Лучше обратимся к области актуального законодательства. В «Законе об обязательном экземпляре» читаем: «В состав обязательного экземпляра входят следующие виды документов: <...> Печатные издания (текстовые, нотные, картографические, изоиздания) – издания [далее подчеркиваю], прошедшие редакционно-издательскую обработку, полиграфически самостоятельно оформленные, имеющие выходные сведения <...>»¹.

Возникает вопрос: а если книга не прошла «редакционно-издательскую обработку», тогда что? Она не будет принята к государственной регистрации? Например, книга отвечает всем требованиям к публикуемому тексту, автор имел под рукой издательскую программу, которой умеет пользоваться, грамотен... – но обо всем этом мы узнаем не из выходных сведений, а только из ознакомления с содержанием издания... Что такое «полиграфически самостоятельно оформленные», мне не очень понятно, но, наверное, речь идет о том, что книга должна быть отпечатана (на чем, с помощью чего, где, кем?..) и соответствовать каким-то типографским стандартам... Интереснее последнее, про «выходные сведения». В нашей библиотеке несколько сотен изданий, таких сведений не имеющих! При этом многие из них отпечатаны тиражом явно более 100 или даже 500 экземпляров.

Что получается? Издания, не подпадающие под указанный в законе вид документа, это что – книга? рукопись

¹ Федеральный Закон об обязательном экземпляре документов. ФЗ-77 : Принят 29 ноября 1994, редакция от 11 июля 2011. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=116575>). Дата обращения 10 октября 2012 г.

(т.е. как бы – «на правах рукописи»)? В любом случае мы имеем дело с памятником истории, с памятником культуры! И здесь самое интересное – превращение (или не превращение!) рукописи в книгу, в фактор культуры. Мне кажется, сегодня можно уже вполне уверенно говорить о «сверхмалотиражной» книге как о феномене и книжной культуры, и культуры в целом. При этом феномен нуждается, конечно, в грамотном описании...

Современное малотиражное издание – дитя современной, постсоветской эпохи. Укажем несколько факторов, которые в новых политико-экономических условиях способствовали появлению и победному шествию «сверхмалотиражных» изданий. Это, с одной стороны: 1) наконец стало можно; 2) наконец стало возможно (правда, это «возможно», как правило, все же весьма ограничено). А с другой стороны: 1) стало не очень востребовано; 2) появился Интернет.

Мы, бывшие советские люди, привыкли к тому, что книга есть везде; она может быть дефицитом, но ее можно при известном усилии, все же раздобыть на толкучке, у книжного «жучка», взять почитать у знакомых, на худой конец – прочесть в библиотеке... Сегодня же не менее 35–40 % книг не попадают на прилавки подавляющего большинства книжных магазинов, да и через интернет-объявления на специализированных сайтах очень многие из этих изданий раздобыть невозможно... То есть почти 40 % изданий стали изданиями для избранных, элитарными... Более того, какой-то процент этих изданий (сколько? – 1, 2, а может быть – и все 5 %) вообще не поступают в библиотеки... При этом издание может быть отрецензировано, о нем может быть точно известно, что оно существует (благодаря тому же Интернету), но его нельзя увидеть, подержать в руках, наконец, прочитать!.. То есть мы имеем дело с описанием издания, не существующего в библиотечной и/или книготорговой реальности, в каком-то смысле с симулякрами (ср.: изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует...).

Книга стремительно теряет свои опознавательные признаки. Может быть, не родовые, а, скажем так, внешние и функциональные признаки. В каком-то смысле книга перестает быть книгой. Книга, точнее, некоторая (пусть совсем небольшая) часть так называемой книжной продукции превращается в документ, похожий на книгу.

Как быть, точнее, как относиться к предмету (то есть к книге), если она не прошла государственную регистрацию? Или если на ней не стоит ISBN? Мы-то знаем: на некоторых книгах (не только малотиражных) стоит не реальный, фальшивый ISBN... Кроме того, в выходных сведениях по каким-то соображениям может быть указан не соответствующий действительности тираж... А еще, как известно, малые тиражи провоцируют пиратскую допечатку «эксклюзивными книготорговцами» – своего рода «Print on demand» («печать по требованию»), если, конечно, это позволяет неприхотливость полиграфического качества оригинала. Таким образом, раритетность превращается в фикцию. К тому же иногда и оформление, и качество печати малотиражных книг такого низкого уровня, будто и не было никакой истории книгопечатания, будто и не существовало никакой веками складывавшейся культуры книги... Порой «самисебяиздатчики» так безграмотно, так нелепо оформляют свои издания, что становится невозможным их адекватное библиографическое описание! Например, название книги может быть указано на обложке одно, на корешке издания другое, а на титуле третье, а четвертое – в прикнижном «библиографическом описании» на обороте титула (как правило, перед сопроводительной аннотацией). При этом порой то, что указано на титуле... так тут «хоть святых выноси»!.. А множество опечаток, безграмотное оформление, нежелание передавать книгу в библиотеку, то есть сделать ее хоть в какой-то степени доступной, становятся характерными чертами не только «книжного самопала», но и современного книгоиздания в целом.

Другая особенность сверхмалотиражных изданий заключается в том, что графомания в них соседствует с пу-

бликациями потрясающих документов, мемуаров, а небрежная, неряшливо подготовленная рукопись – с безусловно исполненными изданиями.

Ключевой становится и проблема доступности/недоступности экземпляра. По типу издание может быть коллекционным, подарочным, книга как сувенир, как эксклюзивный подарок на память... Такие издания, как правило, не проходят государственную регистрацию. В Книжную палату положено передавать 16 обязательных экземпляров. Если же туда попал только один экземпляр, то он отправляется на депозитарное хранение в хранилище Книжной палаты и находится в так называемом служебном доступе. Как сказал по другому случаю незабвенный Юрий Николаевич Тынянов, «арестант секретный и фигуры не имеет»...

Наконец, нельзя не сказать о такой проблеме, как реальная угроза исчезновения книги/текста. Сверхмалотиражное издание – как вещь; как и вещь, книга в результате любого, даже самого «локального» форс-мажора может быть безвозвратно утеряна! Книга, которую нельзя увидеть и поддержать в руках... Сегодня она есть – а завтра ее нет. Единственный экземпляр в открытом доступе исчез: украден, сгорел, потерян при переезде... Да что угодно!

Например, есть такой человек Филипп Александрович Сыщенко. Написал и издал книгу: Жертвы НКВД – дети : Дети репрессированных родителей. Дети – враги народа : Западносибирский край, 1934–1937. Алтайский край, 1937–1949 : Сборник документов. Барнаул, 2007. 432 с.

В книге опубликованы документы из архивных фондов УВД Алтайского крайисполкома, Информационного центра ГУВД Алтайского края. Список воспитанниц Барнаульской трудовой колонии за 1944–1949 гг. Список детей, осужденных с 1922 по 1954 г. в Алтайской губернии и Алтайском крае по УК РСФСР 1926 г. Статистические сведения и отчеты детприемников НКВД. Часть документов публикуется факсимильно. Одним словом – солидное издание. В твердом переплете, с многочисленными иллюстра-

циями. Все как положено. Правда, некоторая «качественная самопальность» все же присутствует... Да и тираж – со слов автора, экземпляров 20 или что-то вроде того...

Пару лет тому назад автор с оказией передал экземпляр в нашу библиотеку. С просьбой написать рецензию на его книгу. Мы книгу описали в электронном каталоге, выдавали читателям... Совсем недавно приходит автор и говорит: «Вы обещали мне рецензию на книгу опубликовать. Где она?» Я ему – то да сё, мол, единственный человек, который в нашу мемориальскую газету рецензии пишет на книги, очень серьезно заболел (что правда!)... А этот Сыщенко мне в ответ вот что (орфография подлинника сохранена):

*«Заведующему библиотекой
Фонда Мемориал
от Автора
Сыщенко Филиппа Александровича*

Заявление

Прову вернуть мне из фонда библиотеки книгу «Жертвы НКВД – Дети» в связи с неуважительным и презрительным отношением к автору.

Автор Сыщенко Филипп Александрович

16.12.2010 г. (подпись)».

По получении этого «Заявление» издание было возвращено ее автору-владельцу¹. Теперь, если верить Ин-

¹ Безусловно, можно было и не пойти навстречу автору и отказать ему в его просьбе. Но Ф.Сыщенко пошел бы на скандал и, помимо других аргументов, мог сослаться на то, что его книга по сути рукопись. Нежелание идти на конфликт в этом и подобных случаях связано еще и с тем, что «Мемориал» – общественная организация. Работу его подразделений, таких как архив, музей и библиотека, в отличие от подобных государственных институций, хорошо это или плохо, но довольно трудно регламентировать жесткими внутриведомственными инструкциями и правилами. Наши библиотека, архив и музей не являются юридическими лицами, это лишь подразделения юридического лица, и работу свою они осуществляют в контексте других программ «Мемориала».

тернету¹, вышеуказанной книги как книги более не существует.

Но вернемся к более общим проблемам. Есть ли своя «философия» у сверхмалого тиража? Что это – возвращение к гутенберговой книге или к догутенберговой в книжное пространство Средневековья? Можно ли всерьез говорить, что поток книг-невидимок есть свидетельство (или результат?) того, что хочется назвать «обескниживанием (или обескниживанием?) общества»? Ведь речь здесь идет о сложной и неоднозначной взаимосвязи таких факторов, как правовые вопросы (юридический статус документа, авторское право, доступность, распространение), новейшие (и постоянно меняющиеся) технические возможности, специфика отношения в современном обществе к слову, тексту, книге (ответственность/безответственность за распространяемые текст/информацию) и т.д.

Для того чтобы ответить на эти и другие вопросы, встающие перед библиотеками в связи с проблемами комплектования сверхмалотиражными изданиями и их сохранения, необходимо в первую очередь решить проблемы сбора и распространения как можно более полных сведений об этих изданиях. Речь здесь может идти в том числе и о составлении списков (создании каталога) новых редких книг. Если не ошибаюсь, такой программы пока нет.

Алексей Макаров

От личной коллекции самиздата к общественной библиотеке. Трудности границ и дефиниций

Работа с самиздатом, его описание и принципы систематизации внутри архивного фонда находятся на стыке трех научных дисциплин: библиотековедения, архивного дела,

¹ По состоянию на сентябрь 2011 г. В октябре 2012 г. книгу удалось найти в электронном каталоге Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я.Шипкова.

музейного дела. Каждая из них обладает своей терминологией и правилами. Всякий раз, работая с поступившим комплексом материалов, мы сталкиваемся с проблемой – как это назвать: собрание самиздата, коллекция самиздата или библиотека самиздата и, соответственно, – как описывать, систематизировать, кого считать фондообразователем?

Описание

При описании машинописного документа, как правило, сложностей нет, но как описывать, например, ксерокопию книги? По архивным правилам? По библиотечным правилам? Но тогда – что указывать в графе «крайние даты»? Год издания или год ксерокопирования, который мы к тому же чаще всего не знаем... А может, нужно описывать по музейным правилам, так как надо указывать, кто создал переплет и т.п.

Фондообразователь

В процессе работы с самиздатом мы столкнулись с проблемой отсутствия подходящих определений в архивной литературе и практике. Так, в электронной базе РГАЛИ документы самиздата никак не маркируются, в результате невозможно понять, имея дело, например, с машинописным экземпляром письма Л.К.Чуковской М.А.Шолохову, – это самиздат или оригинал письма, напечатанный на машинке...

Как фонтировать самиздат? Куда отнести, например, машинописный экземпляр последнего слова, произнесенного на процессе Андреем Синявским? Вроде бы его надо включить в состав личного фонда Синявского... На раннем этапе архив Международного Мемориала так и поступал, в результате сейчас невозможно бывает выяснить, из какого источника поступил документ и в составе какого комплекса документов он находился. С другой стороны, есть конкретный создатель именно этого машинописного экземпляра (например, Алексей Толпыго), и тогда этот документ должен быть частью личного фонда А.Толпыго сре-

ди «материалов, собранных фондообразователем для своих работ или по интересующим его темам» или быть частью коллекции документов в составе его личного фонда. Но, как правило, получается, что ВЕСЬ личный фонд состоит из такой коллекции документов...

В архиве Международного Мемориала подобные комплексы документов принято считать личными коллекциями.

Коллекции самиздата, скорее, ассоциируются с библиотечными собраниями. Однако остается вопрос – чье же это собрание? Вроде бы собрание принадлежит тому человеку, у которого самиздат хранился и который отдал его в архив. Но, с другой стороны, самиздат мог находиться именно на хранении. Например, в Архив Международного Мемориала поступил комплекс документов от Ю.Н.Морозовой. Этот комплекс можно было бы считать ее коллекцией, однако среди документов присутствовали черновики чужих самиздатских статей и документы личного происхождения третьих лиц. В процессе общения с Ю.Н.Морозовой было установлено, что это «захоронка» Бориса Каневского, однако сами эти документы принадлежали не Б.Каневскому, а его другу Валерию Сендерову. В результате было решено создать в архиве личный фонд Сендерова. Нельзя забывать и еще об одном обстоятельстве – иногда речь идет не о самиздате, а о рабочих материалах диссидентской ассоциации (даже если какие-то из этих документов ходили в самиздате), в таком случае комплекс материалов нужно считать частью архива ассоциации и приобщать к соответствующему архивному фонду, разумеется, сохранив отсылку, что данный документ поступил от такого-то. Иногда комплекс поступивших материалов бывает смешанным – собрание самиздата, часть архива диссидентской ассоциации, личные документы третьего лица. В таком случае в нарушение принципа неделимости архивного фонда приходится их разъединять.

Установление подлинного фондообразователя и деталей его биографии важно как для архивного описания, так

и для исследовательской работы. Если сотрудник архива установил, что машинописный листочек со стихами Иосифа Бродского был дан фондообразователю, например, Владимиром Марамзиным (составителем самиздатского собрания сочинений И. Бродского), то можно сделать вывод, что ошибок при перепечатке было минимальное количество. Если сотрудник архива установил, что фондообразователь работал в одном учреждении с Роем Медведевым, то архивист внимательнее присмотрится к рукописным правкам в текстах: вдруг авторская?

**Вопрос дефиниций:
собрание, коллекция или библиотека?**

Чем отличается собрание самиздата от коллекции и коллекция от библиотеки? Как выявлять составные части самиздатских библиотек?

Для решения этой проблемы Архив Международного Мемориала выработал несколько критериев.

1. Объем и материальный носитель.

Если перед сотрудником архива почти исключительно ксерокопии, фотокопии (реже машинопись) книг, а документов вроде открытых писем, последних слов в судах, записей речей и т.п. почти нет, то, скорее всего, можно говорить о библиотеке. Но является ли она общественной или личной? Заметим, что для ответа на этот вопрос совершенно необходима работа с самим фондообразователем. К примеру, собрание Юрия Авруцкого (о котором будет сказано далее) без мемуаров Авруцкого (хранятся вместе с частью его самиздатской библиотеки – Архив Международного Мемориала. Ф.175. Оп.4) было бы идентифицировано как личная библиотека, а не общественная. Почему можно говорить о личной библиотеке, если, строго говоря, перед архивистом не книги, а их копии? Один из аргументов – такое собрание в виде фотокопий, переплетенных машинописных копий или ксерокопий считалось частью личной библиотеки. Нередко такой аккуратно переплетенный самиздат

стоял на полках домашних библиотек наряду с тамиздатом и советскими изданиями.

2. Статус фондообразователя («степень активности» человека по отношению к самиздату).

Собирая самиздат, Архив Международного Мемориала стремится также зафиксировать отношение человека к тому комплексу документов, которые у него находятся. В процессе работы были сформулированы пять основных вариантов взаимоотношений человека и самиздата (оговорюсь, что под самиздатом мы не подразумеваем, например, черновики документов правозащитных ассоциаций или подлинники приговоров): автор, читатель, распространитель и «библиотекарь», есть еще хранители, но они именно хранят самиздат, а не распространяют его.

Автор самиздата – человек, являющийся автором документа (художественного произведения) или пустивший документ в самиздат: странно было бы «автором» самиздата считать судью, подписавшего политический приговор. К сожалению, например, при создании электронной базы на основе Архива самиздата радио «Свобода» это не учитывалось.

Читатель самиздата – человек, который регулярно берет читать самиздат у своих знакомых, перепечатывает или «заигрывает» какие-то особенно понравившиеся ему вещи.

Распространитель самиздата – человек, который активно его распространяет; при этом не обязательно, чтобы у самого человека хранилось значительное число самиздатских произведений и документов. Среди известных примеров – Юлиус Телесин, получивший прозвище «Принц Самиздатский» за свою невероятную активность в этой области. Иногда у распространителей самиздата был доступ к техническим устройствам, таким как мимеограф, гектограф, ксерокс и т.п. Это обстоятельство облегчает процесс выявления каналов, по которым распространялся самиздат, и идентификации конкретных экземпляров. Так, например, известно, что «Хронику текущих событий» № 19 распро-

странители самиздата Александр Болонкин и Валерий Балакирев (автор статьи «От Самиздата к Кол[лективному] издату») размножили на мимеографе. В некоторых коллекциях Архива Международного Мемориала есть такие экземпляры. Распространители самиздата общаются на равных, обмениваясь книжками и другими материалами.

В отличие от распространителя «библиотекарь» собирает книги: он обладает тем, чем не обладает читатель, но никакого обмена при этом не происходит.

С учетом этих критериев были сформулированы рабочие термины: собрание самиздата, коллекция самиздата, самиздатская библиотека.

Собрание самиздата — это самиздат, принадлежащий читателю самиздата, то есть то, что довольно случайным образом отложилось у него в архиве. В качестве примера можно привести собрание Сусанны Соломоновны Печуро. По свидетельству С.Печуро, она никогда не распространяла самиздат: ей давали на прочтение, а потом забирали, но что-то случайно отложилось у нее в архиве. Само собрание довольно пестрое: тут и классический самиздат вроде М.Цветаевой и О.Мандельштама и издание А.Галича, напечатанное КСП¹ на ротаторе (как правило, такие издания ходили в кругах, близких к авторской песне, и не выходили за ее рамки, за исключением, пожалуй, выпуска «Менестреля» памяти В.Высоцкого или подборки стихов оттуда), и довольно ценный документ — «Письма Баламута» с автографом переводчицы Натальи Трауберг. Заметим, что тут мы пользуемся библиотечным термином «собрание»: в архивной практике такого термина нет.

Коллекция самиздата предполагает его целенаправленное собрание. При этом самиздат не обязательно распространяется. Пожалуй, одна из самых известных коллекций Самиздата — Ленинградская, собранная группой ленинградских диссидентов во второй половине 1970-х годов

¹ Издания авторов, объединенных в Клубы самодеятельной песни.

именно с целью сохранения, а не распространения. Существовала систематизация документов в этой коллекции по разделам. Заметим, что в этой коллекции практически нет фотокопий или ксерокопий, а только машинопись – даже если мы говорим о больших по объему художественных произведениях. То есть эти произведения вряд ли предназначались для распространения.

Конечно, самиздат могли давать почитать, но при этом владелец стремился к тому, чтобы самиздат к нему вернулся, так как главной целью было сохранение для самого себя того, что человеку интересно. Подобную коллекцию уже можно назвать личной библиотекой, с одной стороны, а с другой – тематической коллекцией. В качестве примера коллекции самиздата, которая была открыта для читателей, – прекрасная коллекция Алексея Толпыго, насчитывающая более 300 единиц хранения.

Библиотека самиздата

Среди библиотек самиздата прежде всего стоит назвать одесскую, которая существовала (с перерывами) с середины 1960-х по начало 1980-х и хранится в основном в Отделе нетрадиционной печати ГПИБ России¹, частично – в архивах Международного Мемориала и Исследовательского института Восточной Европы Бременского университета. Одесская библиотека – редкий случай, когда выявлены схемы распространения самиздата, взяты интервью у многих участников, описан механизм функционирования.

Есть сведения о библиотеке самиздата в Ростове-на-Дону, которая базировалась в местной библиотеке! Там сидел старичок, к которому можно было подойти и попросить достать книжку; он вел читателя к себе домой, и тот читал самиздат. Но эта информация требует проверки.

Также есть сведения о библиотеке Дмитрия Маркова в Обнинске, «Просветительском обществе» Владимира

¹ Подробнее см.: Струкова Е.Н. Дело об одесской библиотеке самиздата // Библиография. 2012. № 2. С.50–59.

Шаклеина, Валерия Балакирева и Александра Болонкина в Москве, которое активно распространяло самиздат. Существовали такие самиздатские библиотеки и в Новосибирском академгородке.

Самиздатские библиотеки создавались для того, чтобы люди могли получать книги, однако стоит отметить, что цели создания библиотек были различными. В своих мемуарах Юрий Авруцкий упоминает, что у одного из «библиотекарей» была задача создать свою «клиентуру», которую он будет «воспитывать» с помощью книг. «Библиотекари» Одесской библиотеки (ставшей продолжением подпольного кружка) задачу формулировали иначе: «У вас есть Комитет прав человека в СССР. Мы готовы открыть его филиал в Одессе. У нас есть квартира, где мы готовы выставить ваши издания и другие более или менее не криминальные вещи. Туда будет ходить наша интеллигенция, будет читать, и само по себе это может стать каким-то прорывом»¹, – вспоминает Вячеслав Игрунов о беседе с Валерием Чалидзе. Отличие самиздатской библиотеки от личной библиотеки состоит в том, что книги принадлежат «обществу библиотекарей», а не конкретному человеку. В самиздатских библиотеках существовали атрибуты «настоящих» библиотек: чтение дома или абонемент, своя система шифров — обозначений книг, учет выданных книг, тоже зашифрованный. Как правило, в самиздатских библиотеках были литературные произведения, мемуары, книги на общественно-политические темы, а не правозащитные документы (открытые письма, последние слова и т.п.), не только потому, что многие «библиотекари» не интересовались политикой, но и потому, что эти документы довольно быстро теряли актуальность (по крайней мере для библиотеки: в коллекциях самиздата отложилось множество таких документов).

¹ Одесская библиотека самиздата: Рассказ В.Игрунова // Вячеслав Игрунов: [Персональный сайт] июль-август 2005 г. Запись Е.Струковой (http://www.igrunov.ru/cv/odessa/dissident_od/samizdat/1123138219.html), дата обращения 10 октября 2012).

То, как функционировала самиздатская библиотека, можно увидеть на примере малоизвестной библиотеки Юрия Авруцкого. В архиве «Мемориала» хранятся воспоминания Ю.Авруцкого, а также ценнейший документ, позволяющий восстановить историю функционирования библиотеки, – записи выдачи книг. Кроме того, в архив передано несколько десятков самиздатских книг; при этом почти в каждом случае известно, кто их печатал и кто переплетал.

Среда «библиотекарей» начала формироваться еще в начале 1960-х годов вокруг известного деятеля самиздата Александра Гинзбурга. Это были несколько человек, которые когда-то вместе учились в школе. Ряд связей образовался благодаря совместной учебе в вузе – Московском энергетическом институте и Всесоюзном теплотехническом институте. В дальнейшем в деятельности библиотеки стали участвовать и некоторые сослуживцы «библиотекарей», например сотрудники ИЗМИРАНа (Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн), которые «брали» на работе особо прочную и качественную фотобумагу для измерения вариаций геомагнитного поля Земли. Заметим, что в этом институте работали такие известные диссиденты, как Юрий Орлов и Александр Корчак (члены Московской Хельсинкской группы). Если как-то охарактеризовать тех, кто занимался библиотекой самиздата, то это в основном техническая интеллигенция. Их отличала не только традиционная тяга к информации и художественной литературе – им было проще технически организовать процесс размножения самиздата: добыть бумагу, воспользоваться ксероксом. Такие люди, как правило, не были участниками правозащитного движения (за исключением, пожалуй, петиционных кампаний 1967–1968 годов). Во-первых, их это не очень интересовало, а во-вторых, позволяло существовать вне поля зрения КГБ, так как они не подписывали письма, не ходили на суды и т.п. Как пишет Ю.Авруцкий, «эти люди воспринимали «Самиздат» как самоценную сущность, не связанную напрямую ни с

диссидентами, ни с политикой». Они «считали запрет на книги глупостью и не провозглашали борьбу с запретом, а просто плевали на него». А по воспоминаниям Александра Рабиновича главным для них была интеллектуальная жажда, позиция: как это так какие-то книги нельзя читать?¹

В деятельности библиотеки так или иначе участвовало не менее десять человек. Для функционирования библиотеки необходимы были не только «библиотекари», но и люди, способные достать тексты из-за рубежа: в библиотеке Ю.Авруцкого это был не только Александр Гинзбург, но и журналист Марк Дейч. В работе библиотеки принимали участие правозащитники, например Юрий Шиханович, был контакт с другими самиздатскими библиотеками – часть книг Юрий Авруцкий получал от Александра Рькова, сотрудника Одесской библиотеки, несколько контактов было с питерцами.

Разумеется, был круг людей, которые занимались копированием самиздата (как машинистки, так и обладатели самодельных домашних фотолабораторий). Александр Рабинович, который занимался фотокопированием и переплетом, вспоминает, что книги ему приносил Юрий Авруцкий, а куда шли фотокопии, он не знал².

Время существования библиотеки соизмеримо с Одесской библиотекой самиздата – 15 лет. Библиотека Ю.Авруцкого возникла около 1974 года и просуществовала до конца 1980-х³. Залогом такого долгожительства было то, что основные сотрудники этой библиотеки не занимались политикой, поэтому деятельность библиотеки была «невидима» для КГБ, в отличие от Одесской библиотеки самиздата.

В мемуарах Ю.Авруцкий рассказывает, как трансформировались его взгляды на самиздатскую библиотеку: «Первоначально мне казалось, что книги нужны для каких-

¹ Интервью с участником событий Александром Рабиновичем (Запись А.Макарова 20 августа 2012 г.).

² Там же.

³ Даты существования библиотеки приводятся по интервью А.Рабиновича и записям выданных книг.

то особенных людей, готовых к борьбе с большевизмом <...> Постепенно я понял, что книги нужны моему окружению просто для жизни».

Стоит отметить, что библиотека самиздата не была организацией, скорее, это было объединение хранителей и создателей самиздата с распределением функций между его участниками¹. Объем и активность использования произведений приводили к тому, что машинописных текстов в библиотеке было очень мало (из-за малой скорости перепечатки и объема получавшейся рукописи). В библиотеке тексты существовали в виде фотокопий, откопированных на «Эре»; тексты печатались на очень прочной бумаге для записи вариаций геомагнитного поля Земли. Для большей сохранности книги «библиотекари» делали переплеты.

Юрий Авруцкий вспоминает, что жизнь была довольно хлопотная: «Каждый рабочий день в обед и после работы приблизительно две встречи в метро. Всегда в центре зала, чтобы не перепутать. Всегда с точностью до десяти минут <...> Разговоры по телефону были сведены к минимуму. Только о встрече <...> Эти трудности заставляли периодически пытаться хоть как-то организовать (хотя бы клуб). Одна из попыток состояла в том, чтобы раздать 10–20 книг, разделив их между людьми по тематике, и перенумеровать участников и книги, т.е. назвав несколько цифр, можно было договориться о встрече, узнать, у кого книга, и т.д.».

Сведения о движении книг фиксировались в специальной тетради. Каждый список книг написан на отдельном листе, книги пронумерованы, указаны автор и название. Некоторые номера обведены; это, видимо, означает, что книга была возвращена. Сверху простым карандашом написана фамилия «библиотекаря» (таких «библиотекарей» было восемь, включая самого Ю.Авруцкого). Один из списков помечен инициалом М.

У каждого «библиотекаря» хранилось 20–28 произведений. При этом наблюдается попытка организовать хране-

¹ Сам Ю.Авруцкий называет это «клубом».

ние по тематическому принципу: политологические книги (А.Зиновьев, А.Авторханов, сборник «Самосознание» и др.); книги на исторические темы, в том числе мемуары – «Архипелаг ГУЛАГ», воспоминания И.Бунина, «Несвоевременные мысли» М.Горького, из мемуаров Н.Хрущева и др.; религиозно-философские («Евангелие», Н.Бердяев, сборник «Вехи», Г.Померанц...); художественные (В.Набоков, «Пушкинский Дом» А.Битова, «Метрополь», проза Саши Соколова). Некоторые списки включают книги нескольких направлений и тем: например, у одного человека могут храниться как политологические книги, так и философские и религиозные («Пятикнижие», «Евангелие на церковнославянском», И.Ильин, «Вивекананда», «Махабхарата», Б.Спиноза, «Апология Библии» Г.Ясиницкого и др.). У нескольких «библиотекарей» набор еще более пестрый – от Высоцкого до Андре Глюксмана. В списки включены также эмигрантские журналы, например номера «Вестника российского христианского движения», в которых опубликованы какие-то интересные произведения.

Всего в списках более 200 произведений. Как вспоминает Александр Рабинович, через его руки в год проходило около десяти тысяч оригинальных страниц, то есть он копировал примерно 50 книг в год, таким образом, в библиотеке было не менее 500 книг (в середине 1980-х Рабинович отошел от дел)¹. До нашего архива (Ф.175. Оп.4) пока «добралось» около 50 книг из этой библиотеки.

В 1960-е – начале 1980-х годов на территории СССР существовало по крайней мере несколько библиотек самиздата. Фактически в каждой из них стихийно складывалась своя система распространения книг и разделения обязанностей между участниками.

При удачном стечении обстоятельств такая подпольная библиотека могла существовать достаточно долго и сохранить целостность коллекции до наших дней.

¹ Интервью с А.Рабиновичем.

Часть 2. Детали

Геннадий Кузовкин

Научное издание «Хроники текущих событий» и новые возможности для изучения самиздата¹

О самиздате уже много написано. Его признают значимым феноменом послесталинской эпохи даже историки из нелиберального стана. Но до сих пор в научной литературе нелегко найти конкретные параметры этого явления.

Действительно, это было масштабное явление. Трудно представить себе интеллигентную семью в СССР, у которой в книжном шкафу или в каком-то тайном месте не лежало ни одного самиздатского листочка. Без этих потаенных частей библиотек изучение культуры чтения и, шире, духовной жизни советского общества не будет полным. Но и в наши дни о самиздате пишут как о чем-то неисчислимом и необозримом. Всем, наверное, прекрасно знакомы такие фразы: «текст ушел в самиздат» (словно в море), «широко ходил в самиздате», «разошелся во множестве копий» и т.п.

В XXI веке работы, выполненные в такой стилистике, уже выглядят несколько архаично. И все же исследований, результаты которых звучат не так литературно, к сожалению, гораздо меньше. Их можно пересчитать по пальцам. Во всяком случае тех, что способны претендовать на реконструкцию самиздата, которая приближает нас к адекватному восприятию этого явления. Одному из таких проектов посвящен мой доклад. Другой проект, я кратко расскажу и о

¹ Доклад на Первых Чертковских чтениях 27 сентября 2011 г. (Москва, ГПИБ России).

нем, был осуществлен в «Мемориале» несколько раньше – в начале 2000-х. Сегодня прибавить к ним можно только справочник периодики советского самиздата (опубликован на сайте Университета Торонто в 2011 г.)¹. С удовольствием назову автора этого справочника. Его подготовила при участии «Мемориала» наш давний партнер – Анна Комароми (Komaomi). Итого, три проекта за 12 лет XXI века, – достаточно пальцев на одной руке. Будут неправы те, кто подумает, что забыта энциклопедия «Самиздат Ленинграда» (2003)². Это хороший пример локализации темы и в прямом, и в переносном смысле. Важно подчеркнуть, что в данном случае указание на локальность совершенно не несет негативной оценки. Такие локальные исследования можно только приветствовать и мечтать о том, чтобы их стало больше³.

Еще один штрих к портрету современной историографической ситуации. Речь пойдет о том, что самиздат все еще относится к близкой истории. Этот ресурс не исчерпан, но, увы, он и не беспределен, поэтому очень важно не упустить те преимущества, которые дает короткая историческая дистанция. Ведь активистам самиздата 1960-х годов уже около или даже больше восьмидесяти.

В наши дни в науку входит новое поколение гуманитариев. У них просто нет и не могло быть собственного самиздатского опыта. Рискну предположить, что молодым ученым, видевшим неподцензурные тексты только в музеях и в архивах, сложнее представить себе самиздат как что-то динамичное, как альтернативную информационную систему, как активность, утолявшую информационный голод. К тому же участники этой активности совсем не

¹ По состоянию на 10 октября 2012 г. проект доступен по адресу: <http://samizdat.library.utoronto.ca>

² Самиздат Ленинграда, 1950-е–1980-е : Лит. энцикл. / В.Э.Долинин, Б.И.Иванов, Б.В.Осташин, Д.Я.Северюхин; Под общ. ред. Д.Я.Северюхина. М.: НЛО, 2003. 622 с.

³ Назову еще одно такое исследование: Савенко Е.Н. На пути к свободе слова : Очерки истории самиздата Сибири / Сибир. отд-ние РАН, Гос. публ. науч.-техн. б-ка. Новосибирск: ПИНТБ СО РАН, 2008. 198 с.

стремились ее афишировать, чтобы не привлекать внимание властей, грозившее по меньшей мере неприятностями. Поэтому перед глазами молодых ученых чаще всего только контент – пожухшие от времени листы, а не процесс, волнующий и притягательный в немалой степени благодаря ощущению участия в чем-то таинственном и неразрешенном. Разумеется, тот факт, что подобный опыт не знаком современным студентам и аспирантам – людям 1980-х–1990-х годов рождения, совсем не огорчает. Таким изменениям в обществе стоит радоваться. Но появление принципиально нового (постсоветского) поколения ученых – еще один повод задуматься об уникальных возможностях, которыми обладает близкая история. У этого поколения есть шанс ими воспользоваться.

Эти историографические вызовы, на мой взгляд, позволяют обратить внимание аудитории на проект «Мемориала», который увеличивает и делает более предметным наше знание о самиздате.

Уже несколько лет исследовательская программа «Мемориала» «История инакомыслия в СССР» работает над научным изданием знаменитого самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Между собой мы называем его кратко: проект «Хроника». В 2009 году нам удалось открыть сайт-лабораторию, где размещается предварительная web-версия издания¹.

Но прежде чем перейти к рассказу о научной публикации «Хроники», стоит сказать несколько слов о ней самой. «Хроника текущих событий» стала первым отечественным изданием в жанре правозащитного мониторинга и публицистики. Издатели «Хроники» собирали, фиксировали и делали достоянием гласности факты политических преследований и других посягательств на права человека в Советском Союзе, сообщали читателям о выступлениях против подавления общественной свободы.

¹ Адрес сайта-лаборатории: <http://hr2.memo.ru/w/> (по состоянию на 10 октября 2012 г.).

«Хроника» выпускалась московскими правозащитниками с 1968 по 1983 год, за 15 лет в свет вышли 63 выпуска¹. Это едва ли не уникальная продолжительность для неподцензурных изданий в России и второй результат в СССР: больше выпускалась только «Хроника Литовской Католической Церкви» (1972–1989).

Имена тех, кто готовил выпуски, не оглашались. Однако конспирацию трудно назвать безупречной, немало людей знали о том, что основателем и бессменным (вплоть до ареста) составителем «Хроники» была Н.Е.Горбаневская; она практически единолично подготовила первые десять номеров бюллетеня. В дальнейшем над выпуском «Хроники» обычно трудился небольшой коллектив или даже несколько групп, состав которых менялся. В этих группах «редакциях» ключевую роль играли люди, бравшие на себя функцию «выпускающего редактора». Вслед за Горбаневской такими «выпускающими редакторами» стали А.А.Якобсон, С.А.Ковалев, Г.Г.Суперфин, Т.М.Великанова, А.П.Лавут, Ю.А.Шиханович. Организационными делами, связанными с подготовкой, печатью и распространением первичного тиража «Хроники», занималась Татьяна Великанова (с начала 1970 г. вплоть до ареста в ноябре 1979 г.).

Люди, причастные к изданию бюллетеня, корреспонденты и распространители подвергались систематическим преследованиям. Так, обвинения в изготовлении и/или распространении бюллетеня в разные годы предъявлялись Н.Е.Горбаневской, Ю.А.Шихановичу (дважды), П.И.Якиру,

¹ Один номер (59-й) был изъят КГБ, редакция не стала его возобновлять, а подготовила следующий – 60-й. Последним выпуском «Хроники» стал 65-й, работу над ним удалось благополучно завершить, он даже был отправлен на Запад, но там по неизвестным пока причинам его типографское издание не появилось. Сведений о распространении этого выпуска в СССР не обнаружено, поэтому принято считать, что в свет он не вышел. Хотя уже было составлено оглавление 66-го выпуска и редакция «Хроники» (тогда в ней осталось всего два человека – Ю.А.Шиханович и Б.И.Смушкевич) начала трудиться над ним. Ныне это оглавление и 65-й выпуск «Хроники» находятся в архиве «Мемориала» (Ф.31).

В.А.Красину, Г.Г.Суперфину, С.А.Ковалсву, А.П.Лавуту, Т.М.Великановой¹.

В наши дни «Хроника текущих событий» – ценный исторический источник о диссидентской активности и политических преследованиях в СССР. Особенно существенна альтернативность «Хроники» по отношению к официальным документам и подцензурным текстам. Разумеется, это не означает, что только в «Хронике» сосредоточена абсолютная истина, но без альтернативных источников страдает качество «ретроспективной оптики».

Для научного издания «Хроники» был задуман весьма амбициозный справочный аппарат. Его костяк составили указатели, в общей сложности в них свыше 40 тысяч позиций; для сравнения – в Советском энциклопедическом словаре начала 1980-х годов их около 80 тысяч.

Среди указателей: именной, географический, индекс институций, указатель мест лишения или ограничения свободы, органов юстиции, указатель законодательных и нормативных актов. И еще один индекс, который имеет непосредственное отношение к теме конференции, – указатель упоминаемых текстов. С самого начала, когда справочный аппарат к «Хронике» еще только обсуждался, мысль о том, что этот указатель необходим и ценен для изучения самиздата, была самоочевидной.

Как хорошо знают коллеги, такой указатель встречается гораздо реже, чем именной и географический. Его можно увидеть, например, в собраниях сочинений классиков отечественной литературы. А люди с советским опытом припомнят такой указатель в собраниях сочинений и других классиков, ныне почти забытых, – классиков марксизма-ленинизма.

Когда указатель к «Хронике» был еще только в проекте, я решил освежить в памяти устройство справочного тома

¹ С разрешения А.Ю.Даниэля в этой справке о «Хронике» использовались его работы, посвященные истории бюллетеня.

к Собранию сочинений Ленина. И сделал это здесь – в дорогой сердцу Историчке. Тома стояли в открытом доступе, и когда я снял книгу с полки, то смог получить наглядное свидетельство востребованности классика: пальцы оставили заметный след в пыли на обложке.

Но вернемся к указателю упоминаемых текстов. XXI век диктует использование компьютерных технологий, и мы не стали сопротивляться духу времени. К выбору электронной каталогизации имелись практические предпосылки, ведь указатель возникал не с нуля. Еще в 2003 году в «Мемориале» был реализован проект «Каталог Самиздата». Результатом проекта стала общедоступная он-лайн база данных¹. Следует ли радоваться или, может быть, надо огорчаться, но она до сих пор остается единственным справочником о самиздате в российском Интернете.

В Каталог вошли свыше 7000 записей о документах из коллекции самиздата Радио «Свобода». Эта коллекция создавалась более двадцати лет (с 1968 по 1992 г.) и стала крупнейшим зарубежным собранием неподцензурных текстов из СССР. Она сохраняет этот статус и в наши дни. Так же непревзойденными остаются две документальные серии, изданные на основе этой коллекции. Они все еще, к сожалению, мало известны в России. Поэтому назову их: Собрание документов Самиздата в 30 томах и корпоративный бюллетень «Материалы Самиздата»² (с начала 1970-х выпускался фактически еженедельно).

Тома Собрания и выпуски Материалов представлены в фондах столичных книжных собраний: они есть здесь – в Исторической библиотеке, в Российской государственной библиотеке и в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Однако комплектом томов Собрания

¹ Каталог доступен на сайте «Мемориала»: <http://samizdat.memo.ru/cover.htm> Проект был выполнен при поддержке Архива «Открытое общество» (Будапешт).

² Издавался с 1968 по 1992 г., под этим названием выходил с 1971 г.

и почти полным корпусом Материалов в России, по-видимому, обладает только «Мемориал». Говорю об этом не для рекламы, а в надежде на то, что комплектаторы других библиотек смогут изменить ситуацию и заполнить эти досадные лакуны.

Связь между Каталогом Самиздата и указателем упоминаемых текстов довольно прозрачна. Еще на стадии предварительного проекта было решено максимально использовать для указателя базу данных Каталога Самиздата. Ведь «Хронику» можно назвать самиздатом в кубе. Будучи самиздатским бюллетенем, она аннотировала и публиковала тексты самиздата, а также использовала их как источник для своих сообщений. Поэтому писать отдельную программу для указателя не потребовалось, была модифицирована база данных Каталога. Здесь уместно и приятно назвать имена коллег: электронный Каталог проектировала Надежда Петрова, она начала приспособливать его для нужд проекта «Хроника», а продолжил этот труд Олег Горланов.

Технически это произошло так: был создан специальный модуль. Он позволил, во-первых, дополнять записи ссылками на «Хронику текущих событий», во-вторых, фиксировать, как именно использован текст в бюллетене, и, в-третьих, отражать контекст упоминания. С появлением модуля нам удалось начать наш труд. Он оказался нелегким и поставил перед нами массу вопросов. Не буду сейчас вдаваться в детали, а представлю главные итоги работы.

На сегодняшний день роспись «Хроники» завершена, и в базу данных вошло свыше 20 тысяч записей. Созданный индекс стал самым большим в корпусе справочного аппарата. По числу записей он сильно обогнал индекс имен, в котором их только 14 тысяч¹.

¹ Необходимо сделать важное уточнение: из этого массива записей не все относятся к самиздату. Мы амбициозно решили расписывать «Хронику» на упоминания ВСЕХ текстов (и затем, в ходе работы, не раз «вздыхали» по этому поводу).

В индексе представлены (буду перечислять без систематизации, чтобы дать почувствовать видовое и жанровое разнообразие): петиции, приговоры, неподцензурная публицистика, песни, тайные сообщения из неволи (так называемые ксивы), статьи официальных советских и зарубежных СМИ, приказы об увольнениях, Евангелие, речи на политических процессах, стихи, цитаты из уже поминавшихся здесь классиков марксизма-ленинизма, молитвы и т.д.

Разумеется, нас интересовали прежде всего тексты самиздата. Им мы уделяли больше внимания (об этом я еще скажу). Получился уникальный банк данных, который существенно уточняет и развивает каталогизацию самиздата. Преимущественно за счет тех документов, которые не были переправлены за границу.

Но это не просто еще один каталог. Важным достоинством указателя является то, что он позволяет формировать биографию текста. В модуле, если использовать наш «рабочий сленг», отражался «профиль упоминания», то есть данные о том, когда и при каких обстоятельствах текст попадал в поле внимания редакции. Таким подробным описанием мы старались сопроводить прежде всего неподцензурные документы.

Нередко их истории напоминают детективы. Мы тщательно фиксировали такие «криминальные» приключения: изъятия на обысках, инкриминирование на политических процессах и в ходе внесудебных разбирательств и т.п. Теперь можно получить представление о том, какие документы власти считали наиболее опасными, и о приемах, применявшихся, чтобы ограничить циркуляцию таких произведений.

Попробую привлечь внимание к главному результату: наша работа позволила «проявить» остающиеся обычно за рамками традиционных каталогов связи человека и текста. Иными словами, стал доступен для наблюдения не только контент, но и процесс – самиздатская активность. Насколько мне известно, это первая такого рода попытка в России.

Разумеется, мы в начале пути, но сделан важный шаг. Ведь для реконструкции самиздата и для понимания его природы эти связи имеют ключевое значение. Самиздат все чаще сравнивают с Интернетом, и теперь, с возникновением виртуальных социальных сетей¹, эту аналогию можно уточнить. В социальных сетях связь автор–текст–аудитория и процессы чтения и распространения теперь видны в прямом смысле этого слова². Они оставались неразличимыми для применявшегося к самиздату традиционного архивно-библиографического описания.

Аналогия с социальной сетью позволяет сделать еще одно наблюдение: такие сети становятся заметными, если привлекают множество участников, то же самое произошло с самиздатом: он превратился в общественный феномен, когда практики распространения и тиражирования неподцензурных текстов стали массовыми.

Работа над базой данных еще идет, и не все ее возможности полностью раскрыты. Но уже сейчас с ее помощью мы можем судить, например, о частотности упоминания текстов в «Хронике».

Перед вами 15 текстов, которые появляются на страницах «Хроники» чаще остальных:

1. «Хроника текущих событий»
2. Александр Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»
3. Библия
4. Самиздатский журнал «Поиски»

¹ Одно из первых «сетевых» сравнений я обнаружил в книге Л.М.Алексеевой «История инакомыслия в СССР». Правда, оно взято из биологического, а не из виртуального мира (здесь надо напомнить, что первое издание появилось в начале 1980-х): «Каркасом правозащитного движения стала сеть распространения самиздата. Самиздатские каналы послужили связующими звеньями для организационной работы. Они ветвятся невидимо и неслышно, как грибница, и так же, как грибница, прорываются то тут, то там на поверхность открытыми выступлениями». (Цит. по: http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEWA/Chapter16b.htm#_VPID_38)

² Разумеется, обычному пользователю видно не все, например, «Живой журнал» (<http://www.livejournal.com/>) критиковали за непрозрачную процедуру формирования рейтингов.

5. Самиздатский бюллетень «Хроника Литовской Католической Церкви»
6. Документы Московской Хельсинкской группы
7. Евангелие
8. Абдурахман Авторханов. «Технология власти. Процесс образования КПСС»
9. Самиздатский журнал «Украинский вестник»
10. 1-е письмо Инициативной группы по защите прав человека в СССР¹
11. Эмигрантский журнал «Посев»
12. Эмигрантский журнал «Континент»
13. Эмигрантская газета «Русская мысль»
14. Самиздатский журнал «Вече»
15. Анатолий Марченко. «Мои показания».

Думаю, еще рано серьезно интерпретировать этот своеобразный список. Бросается в глаза, что в него не попало ни одно произведение или периодическое издание из официального слоя. Но то, что они не пробились в топ рейтинга, быть может, больше говорит о фокусе внимания «Хроники».

Безусловно, еще много предстоит сделать. Прежде всего необходимо создать он-лайн версию указателя и разместить ее в Интернете. И все же пионерский, в старом досоветском смысле этого слова, характер проделанной работы, надеюсь, дает нам право проинформировать о ней научное сообщество.

С признательностью назову имя полноправного участника этого проекта – историка и филолога Дмитрия Зубарева и поблагодарю добровольных помощников: Людмилу Петракову, Ольгу Сурикову, Наталью Васильеву, Кирилла Попова и всех, кто так или иначе поддерживал наш труд.

¹ Первая правозащитная ассоциация в Советском Союзе, возникла в 1969 г.

Преследования преподавателей йоги в Советском Союзе

Репрессии против йогов и эзотериков в 1960-е–1980-е годы почти не изучены. В этом докладе я попытался соединить разрозненные сведения о преследованиях, используя труды по истории русской эзотерики (прежде всего «Хроники российской саньясы» В.Лебедько¹), собрание статей из советской прессы, опубликованных на сайте В.Бойко², а также информацию, которая имелаась у правозащитного движения 1960-х–1980-х годов и сохранилась в Архиве Международного Мемориала, и интервью участницы событий Май Коляды.

Отношение к хатха-йоге было сформулировано в постановлении Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР от 24 января 1973 года «О некоторых фактах неправильного развития отдельных видов физических упражнений в спорте». В нем говорилось: «В последнее время получили распространение виды физических упражнений и занятий, ничего общего не имеющие с советской системой физического воспитания, несущие опасность распространения чуждых советскому обществу идей в области физической культуры и спорта, содержащих вредную социальную направленность. В ряде городов страны стали создаваться команды по женскому футболу, секции игры бридж, группы занимающихся по системе «Хатха-Йога», по борьбе каратэ и т.д.». Постановление запрещало организацию и пропаганду занятий, «не способствующих всестороннему гармоничному развитию человека и по своему духовному со-

¹ Лебедько В. Хроники российской саньясы : Из жизни российских мистиков: мастеров и учеников (1960–1990-х). Т.1. СПб.: Университетская книга, 2000. 376 с.

² Школа йоги Владимира Бойко: [Электронный ресурс]. (<http://www.realyoga.ru/> Дата обращения 10 октября 2012 г.).

держанию не соответствующих идейной направленности советской системы физического воспитания»¹.

Несмотря на запрет, находились люди, которые не только сами занимались йогой (как физической составляющей, так и духовной), но и организовывали группы по йоге. Известно несколько случаев, когда за подобную деятельность люди поплатились свободой.

Преследования йогов в советское время не носили систематического характера, на сегодняшний день известно о шести случаях уголовного преследования.

Наиболее хорошо документированным и, на мой взгляд, наиболее показательным является дело ленинградского його Анолатия Ивановича Иванова². Он родился в 1951 году, учился на математико-механическом факультете Ленинградского университета, откуда ушел с 3-го курса в связи с болезнью. С пятнадцати лет Иванов интересовался индийской философией и йогой. Еще студентом он вел кружок по йоге. После ухода из университета он стал преподавать йогу в группах здоровья. Первые группы были организованы народным институтом физкультуры и спорта при Доме медработника. В 1975 году институт закрыли, и занятия организовывались при других организациях, но фактически были самостоятельными. Организаторы групп обычно снимали физкультурный зал в школе, а старосты собирали деньги с занимающихся – 2,5 рубля в месяц. Иванов преподавал очень активно, вел как минимум семь групп от 30 до 110 человек, вероятно, через его группы прошло более 1000 человек! В 1975 году Иванов пишет письмо Брежневу, в котором говорит, что йога может помочь сохранить здоровье населения СССР и надо учредить институт йоги, пригласить специ-

¹ Цит. по: История йоги отечества // Федерация йоги России: [Официальный сайт]. (<http://www.ruyoga.ru/press-tsentr/istoriya-jogi-otechestva>. Дата обращения 10 октября 2012 г.). Следует также отметить, что в советской печати появлялись и официальные публикации, в которых йоге давалась положительная оценка.

² Здесь и далее сведения приводятся по документам и материалам Архива Международного Мемориала (Ф.101. Д.1866. А.Иванов).

алистов из Индии. В марте 1977 года на Иванова поступает донос, будто он содержит наркоманский притон. 28 апреля 1977 года его арестовывают. Обвинение необоснованно, но его не выпускают. Первоначально ему инкриминировали пестрый набор статей: 153 ч.1, 221, 228 (распространение порнографии, обвиняли в том, что он «дал» почитать произведение Альфреда де Мюссе «Графиня Гамиани» одному (!) человеку) и 190-1 УК РСФСР. Суд проходил с 29 ноября по 29 декабря 1977 года.

В самиздате ходила запись процесса, из которой даже не юристу видно, что обвинение сфабриковано. Запись процесса хорошо характеризует советскую бюрократическую систему, которая решала – что можно, а чего нельзя.

Судья и прокурор оказывали давление на свидетелей, пытались выяснить, рекомендовал ли что-то Иванов относительно питания (советская власть считала, что вегетарианство вредно), занимался ли иглоукальванием и лечением с помощью наложения рук, сколько получал за занятия.

Вопрос о полезности хатха-йоги на суде все время подменялся вопросом – имел ли Иванов право преподавать ес или нет.

Приведем типичный диалог между адвокатом, свидетелем и судьей:

«Адвокат: Как Вы считаете, имел ли он право вести такие занятия?»

Свидетель [врач]: Я считаю, что хорошо подготовленный человек всегда имеет право поделиться своими знаниями с другими.

Судья: У него нет диплома!»

Медицинский эксперт – доктор наук Димковский на вопрос адвоката: что представляет из себя хатха-йога – лечебная физкультура или оздоровительная гимнастика (разница в том, что лечебную физкультуру может вести только врач, а если попробует кто-то другой, то это уже «незаконное врачевание»), постоянно отвечал, что хатха-йога запрещена Спорткомитетом. Когда же адвокат показал публикации

в советских журналах, пропагандирующие йогу и лечебное голодание, эксперт ответил, что эти публикации идут вразрез с официальными установками и «имелось в виду, что никто не будет этого делать. Только по рекомендации врача». При этом в самих публикациях о необходимости советоваться с врачами не упоминается.

Прокурор о хатха-йоге говорил следующее: «Она у нас значится в определенной популярной литературе, и говорят, что она не противоречит духу... Я полагаю, что это утверждение голословно. У Иванова изъята литература, которая не приемлема и не культивируется в наших условиях».

При этом прокурор утверждал, что «фактически Выдри-на [женщина, которая организовывала занятия] и Иванов познаний в хатха-йоге не имели, а изобретали их для наживы».

Юридический уровень самого дела просто поразителен. Еще одна цитата из речи прокурора: «Паршукова, которая обратилась к Иванову с просьбой избавить от головной боли, но потом изменила показания, сказала, что влюбилась и решила оговорить Иванова. Но факт подтвержден – Иванов лечил. Руденко – обратился с заболеванием крестца. Этот свидетель игриво, но подтвердил, что Иванов его лечил наложением рук».

Фарса суду добавляло то, что рядом с судом в кинозале шел фильм «Индийские йоги – кто они?».

Иванов был приговорен к 4 годам лагерей общего режима с конфискацией имущества и взысканием в пользу государства 8520 рублей, «заработанных» за пять лет «частнопредпринимательской деятельности» (прокурор просил пять лет). При этом суд снял обвинение в распространении порнографии. При кассационном рассмотрении дела А.Иванова Верховный суд РСФСР снял с него обвинения по статьям 153 и 221, оставив только статью 190-1, а срок наказания снизил с 4 до 3 лет¹.

¹ Хроника текущих событий 1979. 1 марта. № 52 (раздел «Разные сообщения»). (<http://memo.ru/history/diss/chr/> Дата обращения 10 октября 2012 г.).

Следующий эпизод уголовного преследования йогов относится уже к 1980-м годам.

В ноябре 1982 года в Свердловске была арестована специалист по лечебной гимнастике Валентина Александровна Сухова (возможно, что она продала Анатолию Иванову аппарат для иглоукальвания), которая в группах здоровья преподавала мантра-йогу. После ее ареста было проведено около 30 обысков, на которых изымалась литература по йоге и индийской философии, в том числе и советские издания! Сначала дело было возбуждено по статьям 94 (причинение имущественного ущерба (извлечение имущественной выгоды) путем обмана или злоупотребления доверием) и 227 УК РСФСР. Следствие пыталось связать В.Сухову с арестованным кришнаитом Е.Третьяковым, после того как это не удалось, статья 227 была переквалифицирована на статью 162. Однако позже статья 162 вновь была переквалифицирована на 227-ю (1). В конце декабря мужу Суховой были возвращены ряд книг по йоге и траволечению¹. 4–5 февраля 1983 года состоялся суд. Свидетелями на суде выступили участники групп лечебной гимнастики. Сухову приговорили к 4 годам лагерей². Осенью 1985 года она была освобождена досрочно³.

В декабре 1982 года⁴ в Москве была арестована геолог, кандидат наук Мая Никифоровна Коляда, которая организовала кружок по агни-йоге и индийской философии, увлекалась книгами Рерихов. В декабре 1981 года ее знакомый художник из Ижевска Леонид Галкин передал ей⁵ 80-стра-

¹ Вести из СССР : Права человека = USSR news brief : Human rights / Ред. К.Любарский. Мюнхен: Das Land u. die Welt, [1989–1991]. Т.2 : 1982–1984. 1989. С.210–211 (1983-й год. Вып. 6. Сообщение 3).

² Там же. С.229 (1983-й год. Вып. 8. Сообщение 12).

³ Там же. Т.3 : 1985–1986. 1989. С.121 (1985-й год. Вып. 20. Сообщение 25).

⁴ Хроника текущих событий 1982. 31 декабря. № 65 (статья «Арест Коляды»). (<http://memo.ru/history/diss/chr/> Дата обращения 10 октября 2012 г.).

⁵ Коляда М. Тюрма // Библиотека Якова Кротова. (<http://krotov.info/history/20/krivova/kolyada.html> Дата обращения 10 октября 2012 г.).

ничный текст¹, который начинался словами «Я Учитель Мориа обращаюсь к людям Земли. Люди Земли вам грозит опасность. К Земле приближается звезда Тишья, которая в апреле 1982 года вызовет на Земле большие катастрофы. Вы должны подготовиться к этому, и попросил распространить». Текст был посвящен многим вопросам: от перечня катастроф, которые произойдут в 1982 года, до рецептов, однако в рукописи были и политические высказывания, в частности критиковался Брежнев, осуждалось вторжение советских войск в Афганистан². Мая Коляда стала распространять текст в самиздате. Начались обыски. 23 декабря 1982 году ее арестовали, обвинение было предъявлено по статье 190-1. Суд состоялся 23–25 марта 1983 года. Мая Коляду приговорили к 2 годам лагерей общего режима. Так как ей инкриминировали распространение текста, была проведена лингвистическая экспертиза. Ее автор – доцент института пищевой промышленности Федор Федорченко – утверждал, что трактат написан под влиянием «Апокалипсиса» и произведений Блаватской³. Свой срок Мая Коляда отбывала в Приморском крае⁴.

Сам автор трактата Леонид Галкин тоже был арестован. Летом 1983 года он был осужден по статье 190-1 на 3 года лагерей⁵. После освобождения Галкин жил в Средней Азии, а затем в Подмосковье. Умер в 1993 году.

В марте 1985 года в Москве было возбуждено уголовное дело против инженера-кибернетика А.С.Гринבלата. В середине 1970-х Аркадий Гринблат начал изучать йогу в небольшом кружке. В 1980 году, по его утверждению, он установил духов-

¹ Вести из СССР. Т.2. С.210–211 (1983-й год. Вып. 6. Сообщение 3).

² Вести из СССР. Т.2: 1982–1984. 1989. С.210–211 (1983-й год. Вып. 6. Сообщение 3).

³ Вести из СССР. Т.2: 1982–1984. 1989. С.259 (1983-й год. Вып. 12. Сообщение 5).

⁴ Вести из СССР. Т.2: 1982–1984. 1989. С.375 (1984-й год. Вып. 6. Сообщение 15).

⁵ Вести из СССР. Т.2: 1982–1984. 1989. С.374 (1984-й год. Вып. 6. Сообщение 8).

ный контакт с Шри Рамакришной, который сказал ему, как нужно развивать систему йоги. В результате Гринблат начал разрабатывать комплексную оздоровительную систему, которая, используя разные виды йоги, отвечала бы современным условиям жизни людей (учитывала климат, культурные и общественно-политические традиции конкретной страны). С 1980 года Гринблат пытался добиться официального разрешения на преподавание йоги, но получал отказы. Он вел неофициальные группы, через которые прошли, по его утверждению, около 1000 человек. В 1985 году против него возбудили уголовное дело сразу по нескольким статьям: 153 ч.1, 227 ч.1, 221 и еще две статьи, номера которых неизвестны. Последние три статьи были сняты обвинением в процессе следствия. В июне 1986 года Гринблат был осужден на 5 лет лишения свободы и приговорен к выплате гражданского иска в размере 27 тысяч рублей. Гринблат отбывал наказание в Кировской области, в ноябре 1988 года он был помилован¹. Гринблат продолжил преподавать йогу, но признал, что напрасно акцентировал ранее внимание на политических и идеологических сторонах йоги, и переработал свою систему, которая получила название «Интегральная йога Рамакришны»².

В настоящее время Гринблат руководит Школой эволюционно-социальной йоги, известной также как центр «Солибор»³.

Есть сведения об инженерере, руководителе кружка по йоге в Киеве, Трифоне Филимоновиче Лякине, который был арестован в 1986 году. Однако о подробностях дела мы не знаем⁴.

¹ Архив Международного Мемориала. Ф.103. Д. «А.Гринблат».

² Там же.

³ «Солибор» – секта Аркадия Гринבלата («Школа эволюционно-социальной йоги») // К истине : Миссионерско-апологетический проект. (http://www.k-istine.ru/sects/other/solibor_about.htm Дата обращения 10 октября 2012 г.).

⁴ Список политзаключенных СССР / Ред. К.Любарский. Вып.12 (1987). Мюнхен: Das Land u. die Welt, [1987]. С.106; Список политзаключенных СССР / Ред. К.Любарский. Вып.13 (1988). Мюнхен: Das Land u. die Welt, [1988]. С.68.

Известно о ряде обысков в Риге у тех, кто занимался йогой, в декабре 1986 года – начале 1987 года. Среди изъятых: «Очерк Тайноведения» и другие работы Р.Штейнера, «100 коанов дзен» и «Записные книжки» Кришнамурти¹.

Как видим, спектр статей Уголовного кодекса, которые вменялись йогогам, эзотерикам и мистикам, весьма широк. Можно выделить несколько причин, служивших основанием для преследований их властями в 1960–1980-х годах. Прежде всего это то, что, проводя занятия с группами и помогая людям почувствовать себя здоровыми, они нередко действовали в «серых зонах» советской жизни.

С одной стороны, государству не нравилась коммерческая активность, и ряд преподавателей были осуждены по статье 153 УК (частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество) и 162 УК (занятие запрещенным промыслом). В этом отношении разницы между преподавателями йоги и, например, иврита нет. С другой стороны, власть раздражали действия в обход государственной медицины, и она преследовала за «незаконное врачевание» (статья 221 УК), а также использовала стандартную «религиозную» статью – «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов» (статья 227 УК).

Мы рассматриваем историю преследования именно йогов, и за рамками нашего сообщения остаются в чем-то схожие дела кришнаитов и буддистов (дело Дандарона), так как там речь шла именно о преследовании религиозных течений. Заметим, что осужденные по статье 227 подпадают под действие «Закона о реабилитации» 1991 года.

Некоторые эзотерики были осуждены по статье 190-1 УК – «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Что же заставляло государство судить эзотериков по сугубо политической статье? Сами эзотерики часто

¹ Архив Международного Мемориала. Ф.103. Д. «З.Ренгитис».

утверждают¹, что их преследовали потому, что эзотерика противоречит официально принятой материалистической философии, однако эзотерические тексты инкриминировались только в случаях, если они имели политическую направленность, как в случае с Леопидом Галкиным, когда в рукописи критиковался Брежнев и осуждалось вторжение советских войск в Афганистан. Множество эзотерических книг ходило в самиздате, довольно полный их список приводит известный мистик Юрий Мамлеев в 63-м номере журнала «Оккультизм и йога».

Николай Поселягин

«Атмода» и национальный вопрос в Прибалтике

Когда в 1987 году, с началом перестройки, в Латвии, Эстонии и Литве началось широкое движение за национальную независимость, сравнительно быстро оформились течения, представляющие это движение на политической карте СССР и имеющие свои собственные источники печатной информации. Наиболее массовыми из них стали Народный фронт Эстонии, Народный фронт Латвии (далее — НФЛ) и литовский «Саюдис»; последний издавал две массовые газеты — «Возрождение» и «Согласие». Центральной газетой НФЛ и других сотрудничающих с ним латвийских политических движений стала «Атмода» («Пробуждение»), эстонских же изданий было несколько («Вестник Народного фронта Эстонии», «Тартуский курьер», «Alma Mater» и др.), но они не имели массового распространения и выходили нерегулярно.

Из балтийских газет наиболее масштабным проектом оказалась «Атмода» (1988–1992), в 1989–1990 годах выходившая еженедельно на латышском и на русском. Русско-

¹ См., напр., журнал «Оккультизм и йога» (1974. № 57).

язычная версия на пике своей общественно-политической значимости (конец 1989 г. — первая половина 1990 г.) достигала тиража 80 000 экземпляров. Именно русской версии и посвящена эта публикация.

Первый номер газеты вышел 7 октября 1988 года, накануне учредительного съезда НФЛ. В этот момент еще не до конца было ясно, будет ли НФЛ иметь успех, какова окажется реакция Кремля и, наконец, какова будет читательская аудитория «Атмоды» (учредители обратились «ко всем жителям Латвии»). Вместе с тем уже здесь помимо стандартной для печати СССР 1987–1988 годов политической риторики (возрождение «ленинских норм социализма», демократизация, необратимость процесса перестройки и т.п.) возникает мотив национальной идентичности — пусть пока еще и не в виде государственного суверенитета, а только культурной и языковой автономии.

«Дорогие сограждане и единомышленники! Этот час пробил. Сегодня решается все. Наконец появилась историческая возможность избавиться от гнета «казарменного социализма», сбросить тяжелый груз сталинизма и брежневщины, возродить ленинские нормы социализма и создать новое общество в соответствии с интересами, заботами и волей народа. Во имя будущих поколений, во имя этого космического феномена — планеты Земля, во имя нашей маленькой Латвии мы обращаемся к вам с призывом — объединить усилия ради всеобщего блага. <...> Народный фронт отстаивает интересы коренного населения Латвии, законные права каждой нации на ее исторической территории, ибо только так можно обеспечить и интересы всех других народов. Через расцвет латышского языка и культуры лежит путь к соблюдению демократических прав, автономному языковому и культурному развитию других народов в Латвии. <...> Час пробил. Сегодня или никогда! Если мы упустим шанс, человечество нам этого не простит. Да и некому будет прощать»¹.

¹ Костенецкая М., Рукшанс Я. Ко всем жителям Латвии // Атмода. 1988. 7 октября.

Из цитаты теоретически можно вывести прямо не артикулированную установку на доминирование «коренного населения Латвии»; с одной стороны, это позволило «Атмоде» с 1989 г. публиковать заявления более радикально, чем НФЛ, настроенного Движения за национальную независимость Латвии (ДННЛ), а с другой — эта позиция дала возможность Кремлю постоянно обвинять НФЛ в сепаратизме. Все же думается, что НФЛ и «Атмода» ни в 1988 г., ни позже не были последовательно-националистическими, скорее они пытались найти некий компромисс, который бы устраивал все стороны — и латышей, и русскоязычное население республики, и Москву, и латвийскую эмигрантскую диаспору, — однако такая установка вместе с неполной от-рефлексированностью проблемы не дала им занять ту или иную, но четкую позицию по национальному вопросу.

В дальнейшем, благодаря успешной (несмотря на растущее недоверие со стороны союзных органов власти) работе НФЛ, русскоязычная редакция «Атмоды» смогла точнее определить свою целевую аудиторию и сформулировать свои задачи. Прежде всего это, разумеется, жители Латвийской ССР нелатышских национальностей, которых необходимо было убедить в том, что культурное, языковое и (позднее) политическое самоопределение Латвии — не проявление сепаратизма, а международно-признанное право и историческая необходимость. Но не менее (а зачастую и более) важной частью аудитории было многонациональное население республик СССР, для которого русский язык служил средством межнационального общения и которому для формирования собственных движений за национальную независимость¹ необходимы были широко распространяемые печатные органы. Эту нишу в общесоюзном пространстве политической журналистики перестройки и заняли газеты народных фронтов Латвии и Литвы, в том числе «Атмода», — и потому, что обладали гораздо лучше

¹ В случае с Ленинградским и Московским народными фронтами скорее нужно говорить о требовании общественно-политической независимости.

организованной, чем у других советских неофициальных и полуофициальных изданий, издательской базой и сетью распространения (многие представители коммунистических органов Балтийских республик по факту поддерживали деятельность НФЛ и «Саюдиса», предоставляя «Атмоде», «Возрождению» и «Согласию» свои типографии¹), и потому, что по сравнению с официальной советской прессой имели гораздо более высокий уровень свободы слова (но не абсолютный — некоторые материалы «Атмоды», особенно в 1988–1989 годах, цензура запрещала целиком или частично).

Эти газеты за пределами Прибалтики быстро нашли своего читателя: «В 1989 году без этих изданий не обходится ни один демократический митинг»². Большая часть их русскоязычного тиража уходила за пределы Латвии и Литвы — в Москву, Ленинград, Белоруссию, Украину и республики Закавказья, распространение по другим регионам шло слабее; хотя, судя по публикациям на страницах «Атмоды», она доходила до Дальнего Востока.

НФЛ возник на несколько месяцев позже Народного фронта Эстонии и «Саюдиса», однако при его формиро-

¹ Обратной стороной было то, что критика деятелей КПСС (включая М.С.Горбачева) не превращалась в критику КПСС как структуры; ср.: «Осторожность издателей “Атмоды”, “Согласия”, “Возрождения” и ряда других прибалтийских газет проявлялась в том, что ни в одной публикации 1988–1990 гг. не содержалось прямой критики деятельности Коммунистической партии Советского Союза» (Струкова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности, 1987–1996. М.: ГПИБ России, 2005. С.39–40). Правда, в отношении Коммунистической партии Латвии картина противоположная: отдельные ее члены (сотрудничающие с НФЛ) на страницах «Атмоды» оценивались скорее нейтрально-положительно, в то же время КПЛ как организация признавалась архаичной, не соответствующей интересам Латвии, а подчас и опасной (в тех случаях, когда поддерживала интерфронты — движения среди русскоязычного населения Балтийских республик, ставившие своими целями сохранение СССР в существующих границах и прямое подчинение местных органов власти московским).

² Струкова Е.Н. Независимая периодическая печать СССР, 1985–1991: История и архивы // Deutsches Historisches Institut Moskau. Bulletin. Nr. 5.: Die sowjetische Öffentlichkeit zur Zeit der «Perestrojka» (1985–1991): Materialien zur Internationalen Konferenz in Moskau, 13.–15. November 2008. S.194.

вании еще нельзя было сказать с определенностью, какой именно курс реформирования Латвии он изберет — курс на широкую культурную и политическую автономию в пределах СССР или на борьбу за суверенитет. Массовость грозила обернуться разнородностью:

«<...> радикально настроенные еще долго смотрели на НФЛ с подозрением — как на организацию, санкционированную партией. На самом деле НФЛ стал широким движением народных масс. Его невозможно было направлять или ограничивать привычными средствами влияния и контроля. Уже скоро число членов НФЛ достигло около четверти миллиона. Среди них были и многие национально настроенные коммунисты, а также присоединилось большое количество приезжих лиц, представляющих другие национальности»¹.

Это отразилось и на ранней «Атмоде», которая поначалу придерживалась первого сценария (курс на автономию). В первом же номере в качестве авторитетного источника были опубликованы выдержки из резолюции XII съезда РКП(б), проходившего 17–25 апреля 1923 года, где поднимался в том числе вопрос о национальной самоидентификации входящих в Советскую Россию регионов. Вслед за «Атмодой» процитируем материалы съезда: «Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого “единого-неделимого”»².

Главный редактор «Атмоды» Элита Вейдемане свою цель поначалу видела в выработке общественного мнения о праве латышей на законодательное закрепление родного языка в качестве одного из официальных в республике и на независимую от центра политику внутри республики (т.е.

¹ Ноллендорфс В. Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии, 1940–1991. Рига: Общество Музея оккупации Латвии, 2010. С. 126.

² Из резолюции XII съезда РКП(б) // Атмода. 1988. 7 октября.

отношения Латвии и России моделировались по образцу отношений между федеральной землей и федеральным правительством в ФРГ). Для примера приведем еще одну выдержку из газетной публикации: «Первое. НФЛ борется против диктата всесоюзных ведомств и за суверенитет Латвийской ССР. <...> Второе. НФЛ однозначно выступает против притока мигрантов. <...> Третье. НФЛ — за достойное место для латышского языка и культуры на территории Латвийской ССР. <...> Четвертое. НФЛ выступает за то, чтобы жители Латвийской ССР были хозяевами в своем доме. Думаю, что это никаким образом не может казаться привлекательным для значительной части еще проходящего службу или уже вышедшего на пенсию офицерства армии и других военизированных формирований. <...> Пятое. НФЛ — общественно-политическая организация, не скрывающая своих претензий на право высказывать собственное мнение также и в политических и идеологических вопросах¹. Основные цели русскоязычной версии газеты, соответственно, — мирное урегулирование конфликтов между русскими и латышами, разъяснение позиций НФЛ тем читателям, кто не являлся его членом, и подробное обоснование тезиса, что установка на национальную идентичность не равна установке на национализм. Активно использовалась риторика убеждения.

Приведем пример: «...Мы ошиблись, понадеявшись на разум Интерфронта по отношению к жителям Латвии. <...> Все, все жители Латвии! Пробудитесь после затянувшегося сна, встать на ноги после долгих лет, проведенных на коленях, — не значит начать бессмысленный конфликт.

Именно за истину мы вступаемся.

Ложь и изворотливость не могут быть для нас основой.

А весна — ведь это все мы знаем — вестник истины, пробуждения.

Быть ли нашей весне мирной — это зависит от нас самих.

Мы призываем к миру!»²

Лишь постепенно, в течение первой половины 1989 года, курс на национальную самоидентификацию в рамках Лат-

¹ Фрейманис Я. Взгляд изнутри // Атмода. 1989. № 1. 6 января.

² Вейдемане Э. Будет ли весна мирной? // Атмода. 1989. № 9. 6 марта.

вийской ССР сменяется курсом на полную независимость от Советского Союза. В этот период русскоязычная «Атмода», с одной стороны, все шире распространяется по Советскому Союзу — во второй половине 1989 года ее тираж стал стабильно составлять 65 000 экземпляров — и публикует информацию о событиях в советских республиках, которая отсутствует или искажается в центральных советских СМИ (например, с зимы 1989 года подробно следит за Карабахским конфликтом), а с другой стороны, газета начинает предоставлять свои полосы Движению за национальную независимость Латвии (ДННЛ), целью которого было строительство суверенного национального государства. Тем самым «Атмода» дала возможность латышским диссидентам высказывать на ее страницах те идеи и программные заявления, которые до того возможно было опубликовать лишь в самиздате¹.

В этот период «Атмода» становится одним из ключевых СМИ в политической жизни Латвии: на ее страницах публикуются и обсуждаются проекты программы экономической автономии, а вскоре и будущей Конституции независимой Латвийской Республики; она координирует организацию акции «Балтийский путь» на территории Латвии; она выступает одним из официальных печатных органов Балтийского совета².

Одновременно с середины 1989 года «Атмода» постепенно меняет свою направленность: из издания, формирую-

¹ О латвийском диссидентстве см., в частности: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2006. С.70–77. (Повествование доведено до 1983 г.).

² См., в частности: Концепция экономической самостоятельности (самоуправления и самофинансирования) Латвийской ССР: Проект // Атмода. 1989. № 22/23. 5 июня; Конституция Латвийской Республики: Проект // Там же. № 35/36. 21 августа; Правление Думы НФЛ. «Балтийский путь» — за свободу и независимость // Там же. С. 9; Маршрут акции «Балтийский путь» // Там же; Акция «Балтийский путь» // Атмода. 1989. № 37. 28 августа; Балтийский совет. За нашу и вашу свободу! Обращение к народам Советского Союза // Там же. № 39/40. 11 сентября; Балтийский совет. Декларация о государственной целостности Латвии, Литвы и Эстонии // Там же. № 41. 18 сентября.

щего общественное мнение о необходимости признания независимости стран Балтии и о праве всех наций, входящих в Советский Союз, на самоопределение, она все больше превращается в издание, посвященное перипетиям текущей политической борьбы НФЛ. Безусловно, деятельность НФЛ достаточно подробно освещалась на страницах «Атмоды» и до лета 1989 года, но до начала 1990 года много места продолжали занимать материалы на всесоюзный «экспорт» — информация о народных фронтах небалтийских республик, публикации выдержек из классиков российской философии (в основном это критика коммунизма или рассуждения о национальной идентичности, прежде всего русского этноса), рецензии на знаковые книги зарубежных философов и политологов (например, Ф.А. фон Хайека) и др. Тираж «Атмоды» с № 53 (27 ноября 1989 г.) вырастает до 80 000 и остается таким в первые месяцы 1990 года. Однако вектор эволюции газеты ближе к октябрю 1989 года — ко II съезду НФЛ и особенно после него — становится очевиден: из общественно-идеологической (в широком смысле) трибуны, которой пользуются деятели не только НФЛ и ДННЛ, но и других движений, а также многочисленные корреспонденты из других регионов СССР, «Атмода» все больше становится сугубо политическим информизданием Народного фронта Латвии¹. В марте 1990 года коалиция

¹ См., напр.: Правление Думы НФЛ. Тезисы идеологической платформы НФЛ для консолидации жителей разных национальностей на основе идеи создания независимого демократического Латвийского государства : (К II Съезду НФЛ) // Атмода. 1989. № 30. 17 июля; О проектах второй Программы и Устава Народного фронта Латвии // Там же. № 44/45. 7 октября; Устав дружин охраны порядка массовых общественно-политических организаций Латвии // Там же; Задачи НФЛ на парламентарном пути // Там же. № 48. 23 октября; Правление Думы НФЛ : [Резолюции: № 1 — О политической оценке событий 1940 г.; № 2 — О ликвидации монополии КПСС на власть; № 3 — О преступлениях сталинизма против народа Латвии; № 4 — Об отношении к коллективизации; № 5 — Верховному Совету Латвийской ССР; № 6 — Об отношении к сессии Верховного Совета Латвийской ССР, состоявшейся 6 октября 1989 года; № 7 — О правовом статусе жителей Латвии; № 8 — О праздничных днях 18 ноября и 24 июня; № 9 — О защите

независимых партий во главе с НФЛ заняла большинство мест в Верховном Совете Латвийской ССР, что позволило внести поправки в Конституцию республики и взять курс на суверенитет уже официально.

Можно сказать, что «Атмода» выполнила свою общественную роль к середине 1990 года. Ее тиражи с этого времени упали до 10 000–20 000 экземпляров, и лишь во время вооруженного конфликта в январе 1991 года («Дни баррикад») вновь ненадолго поднялись до 30 000¹. Позже ее тираж не превышал 10 000–15 000.

В том же 1990 году в «Атмоде» произошел раскол, и русскоязычная редакция начала выпускать газету «Балтийское время». Однако вскоре стало очевидным, что идеология нового издания расходится с идеологией НФЛ, и Э.Вейдемане собрала новую редакцию для продолжения выпуска «Атмоды» для нелатвийского населения республики.

В независимой Латвии НФЛ перестал играть ключевую роль: основная его цель — провозглашение полной независимости Латвии — была окончательно достигнута 21 августа 1991 года, в то же время руководство движения не обладало опытом проведения экономических реформ, из-за чего переход от социалистической плановой экономики к рыночной прошел болезненно. В результате в июне 1993 года НФЛ потерпел поражение на выборах в

культурно-исторической среды и природного ландшафта Латвии; № 10 — О названиях улиц, площадей и районов Риги; № 11 — О демилитаризации Балтии; № 12 — О поддержке Народного фронта Белоруссии] // Там же; Программа Народного фронта Латвии // Там же. № 52. 20 ноября; Предвыборная платформа Народного фронта Латвии на выборах в Верховный Совет // Там же. 1990. № 7 (64). 12 февраля.

¹ В газете публикуются обращение Б.Н.Ельцина к исполнителям военного вторжения в прибалтийские республики «Солдаты, сержанты и офицеры — сограждане наши, призванные в армию на территории Российской Федерации и находящиеся ныне в республиках Прибалтики!» (Атмода. 1991. № 1 (49). 15 января), редакционные материалы «Вместе перед лицом опасности» и «Ночь красного террора 20.01.91 г.» (№ 2 (50). 22 января), хроника «Тревожные дни Латвии» (Там же) и др.

Сейм Латвии и был реорганизован. Русскоязычная версия «Атмоды» продолжала выходить до 1992 года и закрылась окончательно за год до роспуска НФЛ.

Илья Кучанов

Рукописные комментарии на агитматериалах: из Коллекции ГПИБ России

Формирование Коллекции современных политических документов ГПИБ России началось в 1989 году. В состав фонда входят малотиражные книги, брошюры, периодические издания, агитационные материалы и неопубликованные документы политических организаций, отражающие широкий спектр современной российской многопартийности.

Важную часть нашей работы составляет комплектование фонда документов федеральных и региональных избирательных кампаний, проходивших с 1989 года по настоящее время. На данный момент Коллекция включает материалы практически из всех российских регионов, но наиболее широко представлены Москва, Санкт-Петербург, а также области Центрального и Северо-Западного федеральных округов.

Осуществляя систематизацию материалов предвыборных кампаний, мы обратили внимание на то, что на некоторых листовках есть рукописные комментарии. Палеографы давно занимаются изучением надписей и рисунков на книгах и документах, однако научных исследований образцов подобного рода творчества на агитационных материалах практически не существует. Между тем в связи с возросшей в последнее время политической активностью российского общества, на наш взгляд, возникает настоятельная необходимость анализа этого типа исторических источников.

Проведенная экспертиза позволила классифицировать обнаруженные нами рукописные комментарии следующим образом:

- приписывание в поддержку кандидатов с целью усиления агитационного эффекта,
- приписывание с целью изменения смысла на противоположный (контрагитация),
- диалог с читателями,
- эмблемы коллекционеров и пометки дарителей.

Рукописные комментарии впервые встречаются в нашей Коллекции уже среди материалов выборов народных депутатов СССР 1989 года и становятся неизменными спутниками всех федеральных избирательных кампаний и референдумов 1990-х годов. Хотя рассматриваемое явление никогда не носило массового характера, большинство источников все же относится к периоду 1989–1993 годов.

Нельзя сказать, что раньше не существовало ничего подобного. Например, известно, что в советское время рукописные комментарии появлялись время от времени на избирательных бюллетенях. Они могли символизировать протест против безальтернативности выборов как таковой или выражать отношение к конкретному кандидату на выборную должность. Однако называть их элементом предвыборной агитации некорректно, поскольку комментарии становились достоянием общественности только во время подсчета голосов и, естественно, никак не могли повлиять на предпочтения других избирателей.

В результате демократических преобразований конца 1980-х у граждан нашей страны впервые за долгие годы появилась реальная возможность избирать своих представителей во властные структуры, что привело к резкому всплеску интереса к институту выборов. Отражением возросшей политической активности населения как раз и стали рукописные комментарии на агитматериалах, сделанные с целью как усиления агитационного эффекта, так и для контрагитации (элемент «черного PR»)¹.

¹ Подробнее об этом явлении см.: Кучанов И.С. Материалы «черного PR» в коллекции ГПИБ России // Библиотека и история : Сборник материалов Международной научной конференции 18–19 ноября 2008. М.: ГПИБ, 2010. С.263–274.

Рассмотрим особенности каждого из упомянутых типов рукописных комментариев на конкретных примерах из Коллекции ГПИБ России. На листовках, представленных на иллюстрациях 1 и 2, можно увидеть приписки анонимных авторов, призванные не только привлечь внимание к агитматериалу, но и усилить впечатление читателя от его содержания.

В первом случае перед нами достаточно типичный образец листовки кандидата от избирательного блока «Демократическая Россия» на выборах народных депутатов РСФСР 1990 года, отпечатанной на бумаге далеко не лучшего качества. Документ¹ содержит биографию кандидата в народные депутаты РСФСР по Останкинскому национально-территориальному округу № 4 г.Москвы В.И.Олейника, напечатанную на машинке мелким шрифтом на листе формата А4. Поскольку на находящемся в нашей Коллекции экземпляре присутствуют следы клея, можно предположить, что эта серия листовок была предназначена для развешивания на информационных стендах и в других местах скопления людей. Тогда становится вполне понятным желание сторонников кандидата компенсировать непрезентабельность и сложность восприятия агитматериала броскими комментариями красным фломастером «*Голосуйте за Олейника – борца с мафией*» и «*Блок "Демократическая Россия"*».

В той атмосфере массового неприятия ставленников «аппарата» для многих москвичей подобной надписи было вполне достаточно, чтобы принять решение о поддержке кандидата. Причем низкое качество листовок не только не вызывало отторжения у избирателей, но и воспринималось ими позитивно, так как подчеркивало близость к народу претендента на депутатский мандат. В свою очередь

¹ Олейник Владимир Иванович. Кандидат в народные депутаты РСФСР по Останкинскому нац.-терр. округу № 4 г. Москвы. [Биография В.И.Олейника]: [Изоматериал]: [Листовка]. [М., 1990]. 1 л., 28x18 см. ГПИБ инв. № 1098410.

Голосуйте за Олейника —
11/4 27/4 10028/194
Борца с мафией.

ОЛЕЙНИК ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Кандидат в народные депутаты РСФСР
по Останкиновскому нац.-терр. округу
№ 4 г. Москва

Родился в 1936 г. в Оренбуржье, русский, из рабочих, женат, имеет двоих детей.

За плечами: школа, работа радиомонтажником, шофером, плотником. В 1959 г. закончил юридический факультет Пермского университета. Отказавшись от должности 2-го секретаря РК ВЛКСМ, уехал по распределению и 30 лет /по 7.07.89г./ работал в органах прокуратуры помощником прокурора, следователем, следователем по особо важным делам при прокурорах Киргизии, РСФСР, Генеральном прокуроре СССР, прокурором-криминалистом Киргизии и Московской области, заместителем начальника следственной части прокуратуры РСФСР.

В настоящее время заведующий юридическим отделом Советского детского фонда имени В.И.Ленина.

Во время работы в правоохранительных органах приходилось постоянно заниматься не только проблемами предварительного следствия, но и различными отраслями права: гражданскими, трудовыми, хозяйственными, государственными; выкатать в проблемы и основы других наук, познаний. Дипломную работу защитил по теме: "Проблемы законодательной техники", т.е. правилам соотавления и кодификации законов на основе опыта других стран, по отечественным дореволюционным и зарубежным источникам, открывшимся к 1959г. Работы по этой теме не прекращал и в последующие годы. Организовал раскрытие и расследование преступлений нередко многолетней давности. Это серия убийств в Грузии, убийства с изнасилованиями в Москве и Подмосковье, в 76/77гг. известные как "убийства с изнасилованиями женщин в красном", взбодоражившие в то время население Москвы и Подмосковья; бандитские нападения в Москве, на Украине, в Сибири; ослепшие транспортные происшествия, с многочисленными человеческими жертвами; расследование очага пожара в гостинице "Россия" в 1977г. и др. Вед расследование организованных хищений в особо крупных размерах и обмана населения, злоупотреблений должностей и властью, коррупции и взяточничества в системах легкой и местной промышленности, бытового обслуживания, торговли в период 1972-1987гг. в Казахстане, Центре, Ленинграде, Прибалтике, на Кавказе. Среди них известное москвичам так называемое "Дело московской торговой фирмы-дело Трегубова". С марта 1989г. вплоть до 05.07.89г. по поручению Генерального прокурора СССР осуществлял надзор за соблюдением законности при расследовании уголовного дела в отношении бывшего Министра внутренних дел Узбекистана - Яхьяева.

Более 15 лет занимался исследованием становления и укрепления такого грозного вида преступности, как организованная-мафиозная, по сути своей политизированная преступность, результаты которой были изложены группой авторов в книге "Организованная преступность", вышедшей в декабре 1989г. в издательстве "Юридическая литература". Имеет ряд публикаций в газетах и журналах; на студиях снято более 4-х фильмов по проблемам преступности, морали, социальным вопросам.

Последнее время занимался разработкой экологического законодательства. Является членом ассоциации "Экология и Мир". За долгие и безупречную службу в органах прокуратуры присвоено звание "Почетный работник прокуратуры СССР", награжден орденом "Трудового Красного Знамени", медалью "За отличную службу по охране общественного порядка".

7 июля 1989г. из органов уволился с переводом на должность заведующего юридическим отделом Советского детского фонда им. В.И.Ленина. Помимо организации правового обеспечения деятельности фонда занимается разработкой законопроектов по защите детства, материнства, гражданского, трудовому праву.

Жена-правовой инспектор труда ЦК профсоюза, дочь - экономист, сын до и после армии работал шофером, учится на подготовительном отделении Уфака МГУ.

Выдвинут коллективами 5 предприятий и жителями 4-х районов.

Ил. 1

Блок "Демократическая Россия"

*молодой национал-патриот
России*

Зюганов - да!

Ельцин - нет!

*старый, больной партноменклатур
-црик ученился за власть*

Информацию и справки о деятельности

**Общероссийского
движения общественной
поддержки**

1169 акция **Б.Н.Ельцина** *по рукам у [подпись]*

можно получить по тел. 426-83-84 с 15 до 19

426-83-84
с 15 до 19

426-83-84
с 15 до 19

426-83-84
с 15 до 19

426-83-84
с 15 до 19

426-83-84
с 15 до 19

26-83-84
15 до 19

426-83-84
с 15 до 19

Ил. 3

кн 4 399

ГПИБ России

ПРЕДПРЕИДУМ - ЭТО

ГОЛОС НАРОДА

БУДЬ МУДРЫМ В ТРУДНУЮ
МИНУТУ!

**17 марта решается
твоя, моя, всех нас
судьба...**

НАРОД ГОВОРИТ: ~~ДА~~ СОЮЗУ!

1 КПСС, которая хуже фашистской!

НПЧ 399
133

ГПИБ России
185228

ТОВАРИЩИ !

Вдумайтесь, куда нас зовут, ПРИЗЫВАЯ
сказать „НЕТ“ целостности Союз-великого
государства, создававшегося веками.

Всесоюзный референдум это не избрание лидера, а
выбор между сохранением страны на новой демокра-
тической основе или ее развалом.

Не поддавайтесь на провокационные призывы
в угоду политическим авантюристам. Помните уроки исто-

Союзу - ДА!
Диктатуре - НЕТ!

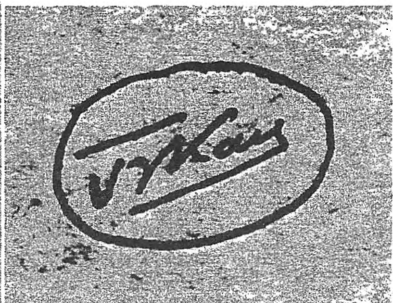
РМ

ТОМУ, КТО СРЫВАЕТ ЭТУ ЛЕТОККУ

ЕСЛИ ТЫ СМЕЛОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬ,
ПЕРВАЯ СВОЕЮ ОБЯЗАННОСТЬ,
ЧТО БОРЬБА С ИНАСХОДСТВОМ -
ЭТО МОЩЬ ДЕМОКРАТИИ.

ЕСЛИ ТЫ СЧИТАЕШЬ СЕБЯ
НЕПРИЯТЕЛЕМ ЧЕЛОВЕКА,
ТО ВОЗДАСТСЯ ТЕБЕ
ПО ЗАКАМ ТВОИМ.

ЕСЛИ ТЫ ПРОСТО ЛЮБИШЬ
КУРИТЬ ИЛИ ДЫМЬ - курячка,
ЗАПЯНИ В СВОЙ ПАСПОРТ -
МОЖЕТ ТЫ ЖЕБ СТАНОВИТЬ
ДЛЯ НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ.

Вручено 3.03.1990 ок. 15-15³⁰
гласно пр. поддержки
"Патриот", "Отечество"
Уч. № "Воскресенский"
СП. *[Signature]* Подпись: 22 / 04.03.1990

Коллекция Георгия Георгиевича-старшего. СПб.
20 марта 1994 г. Вскр. Меньшиковский пр. 15/3.
Частковая комиссия №32.

дорогостоящая агитация кандидатов от КПСС (например, выпуск открыток многотысячными тиражами¹) зачастую вызывала обратный эффект.

Листовка² на иллюстрации 2 переносит нас в 1996 год, когда на президентских выборах граждане России были поставлены перед судьбоносным выбором дальнейшего пути развития страны. В отличие от предыдущего примера, этот материал абсолютно прост для восприятия, поскольку содержит всего две фразы: «Зюганов – да!» и «Ельцин – нет!». Однако сторонники Г.А.Зюганова посчитали необходимым для усиления агитационного эффекта развить мысль с помощью рукописного комментария: подписать синей ручкой о своем кандидате – *«молодой национал-патриот России»*, а о действующем президенте – *«старый, больной, партноменклатурищик уцепился за власть»*.

Анализ приведенного комментария позволяет предположить, что его автор был среди сторонников Б.Н.Ельцина в 1991 году из «патриотического лагеря», которые за пять лет разочаровались в своем прежнем кумире и воспринимали Г.А.Зюганова не как выдвигенца КПрФ, а как единого кандидата от народно-патриотических сил. Данная электоральная группа была не слишком многочисленной, но позволила лидеру оппозиции выйти за пределы «ядерного» коммунистического электората и набрать во втором туре рекордные для него 40 % голосов избирателей.

Накал предвыборной борьбы в 1996 году был настолько сильным, что выпускалось множество агитматериалов, поддерживающих агитацию не в поддержку своего кандидата, а против его оппонента. Причем, если штаб Б.Н.Ельцина издавал такие листовки типографским способом большими

¹ Подобный случай рассматривается в публикации: Кучанов И.С. Открытка как инструмент предвыборной агитации : По материалам Коллекции ГПИБ России // «Губернаторская открытка» : Каталог выставки геральдических открыток органов власти. Москва, ГПИБ России, 4 августа – 3 сентября 2011 г. М., 2011. С.91–94.

² Зюганов [кандидат на должность Президента РФ] – да! Ельцин – нет! : [Изоматериал] : [Листовка]. [1996]. 1 л., 4 x 17 см. ГПИБ инв. № 1092460.

тиражами, то его оппоненты чаще использовали нестандартные ходы.

Характерным примером служат рукописные комментарии, сделанные на листовке¹ действующего президента (иллюстрация 3) с целью изменения смысла на противоположный. В итоге получился следующий текст (подчеркнуты слова, вписанные ручкой): *«Информацию и справки о деятельности Общероссийского движения общественной поддержки под руки пьяницы Б.Н.Ельцина убийцы можно получить по тел. ...»*. Поскольку даже в результате визуального осмотра документа видна разница в почерках и цвете ручек, можно предположить, что приписки сделаны разными людьми и в разное время. Характер комментария позволяет сделать вывод, что в данном случае речь идет не о централизованной кампании против конкурента (такие вещи происходили в основном в 2000-е годы на муниципальных выборах), а о выражении «голоса народа».

Среди множества документов, посвященных всесоюзному и всероссийскому референдумам 17 марта 1991 года², в нашей Коллекции содержатся два уникальных агитматериала с комментариями, в полной мере передающими дух эпохи.

В первом случае (иллюстрация 4) анонимный автор, оставив без изменения основной текст листовки сторонников сохранения СССР³, откорректировал только последнюю строчку (написал фломастером слово «НЕТ» поверх слова «ДА»), изменив тем самым смысл агитматериала на противоположный: *«Народ говорит: НЕТ Союзу»*. Но более интересен другой комментарий, сделанный ниже ручкой в продолжение этой фразы: *«и КПСС, которая хуже фа-*

¹ Информацию и справки о деятельности Общероссийского движения общественной поддержки Б.Н.Ельцина [кандидата на должность Президента РФ] можно получить по тел. 426-83-84 с 15 до 19 : [Изоматериал] : [Листовка]. [1996]. 1 л., 13х17 см. ГПИБ инв. № 1092459.

² Шифр хранения НП4/399.

³ Референдум – это голос народа. Будь мудрым в трудную минуту! 17 марта решается твоя, моя, всех нас судьба... Народ говорит: ДА Союзу! : [Изоматериал] : [Листовка]. [М., 1991]. 1 л., 11х18 см. ГПИБ инв. № 1058558.

шистской». Здесь в гипертрофированном виде выражается позиция значительной части российского общества (особенно жителей столицы), у которой к 1991 году накопился внушительный список претензий к правящей более семидесяти лет Коммунистической партии. Причем, судя по комментарию и результатам референдума на территории Москвы, многие из этих людей, говоря «НЕТ» обновленному Союзу, в то время не видели особой разницы между КПСС и государством, отказывая в доверии всем властным институтам СССР.

Однако в обществе были не менее сильны и противоположные настроения. Примером тому служит другой печатный комментарий под названием «*Тому, кто срывает эту листовку*», приклеенный к агитматериалу в поддержку Союза¹ (иллюстрация 5). Оригинальность этого обращения к читателям заслуживает того, чтобы его процитировать целиком: «*Если ты слепой исполнитель, передай своему фюреру, что борьба с гласностью – это конец демократии. Если ты считаешь себя верующим человеком, то воздастся тебе по делам твоим. Если ты просто люмпен-хулиган или люмпен-хулиганка, загляни в свой паспорт – может ты уже староват для мелких пакостей*». Это послание читателям свидетельствует как о высоком градусе общественной активности, так и о гражданской позиции избирателей, активно вовлеченных в происходящие эпохальные события.

Подобный вывод, безусловно, можно сделать и после ознакомления с рукописными комментариями, сделанными на агитматериале кандидата в народные депутаты РСФСР по Фрунзенскому территориальному округу № 58 г.Москвы В.Л.Чепуренко. Этот документ интересен не только содержанием, но и количеством оставленных

¹ Товарищи! Вдумайтесь, куда нас зовут, призывая сказать «НЕТ» целостности Союза – великого государства, создававшегося веками... Союзу – «ДА»! Диктатуре – «НЕТ»! : [Изоматериал] : [Листовка]. [1991]. 1 л., 18х27 см. ГПИБ инв. № 1058626.

записей. Листовка¹ (иллюстрация 6) стала полноценной площадкой для дискуссии между сторонниками различных политических сил – внимательно присмотревшись, можно насчитать на ней не менее четырех различных по содержанию комментариев.

Первоначально агитматериал представлял собой ксерокопию статьи В.Л.Чепуренко «Пора, наконец, и России взять слово!», напечатанной в газете: «Литературная Россия» № 50 от 15 декабря 1989 года, которая сопровождалась рукописной надписью «Дорогие москвичи-фрунзенцы! Предлагаем Вашему вниманию статью кандидата в народные депутаты РСФСР Чепуренко Виктора Леонидовича» и подписью «Группа поддержки».

Первый комментатор крупными буквами написал на газетной статье слово «Память». Если для современного читателя смысл этой записи скорее всего окажется загадкой, то в 1990 году он был понятен большинству избирателей. Речь шла об известном с начала 1980-х годов движении с противоречивой репутацией, позже получившем название «Национально-патриотический фронт “Память”», имеющем как немало последователей, так и еще больше противников. Комментатор явно принадлежал к числу последних и пытался, надуманно ассоциировав В.Л.Чепуренко с «Памятью», дискредитировать его в глазах основной массы избирателей, не приемлющих радикализма движения.

Автор следующей подписи конкретизировал претензии к кандидату. Подчеркнув ручкой напечатанное название газеты, он изложил свою позицию: «Газета «Литературная Россия» является рупором правоконсервативных и шовинистических организаций»; подпись «Группа поддержки»

¹ Дорогие москвичи-фрунзенцы! Предлагаем Вашему вниманию статью кандидата в народные депутаты РСФСР [по Фрунзенскому территориальному избирательному округу № 54 г. Москвы] Чепуренко Виктора Леонидовича : [Изоматериал] : [Листовка]. [М., 1990]. 1 л., 28x18 см. ГПИБ инв. № 1058632.

дополнил словами «шовиниста и консерватора», а в самом низу листовки сделал приписку «*Будьте бдительны!*».

Третий участник полемики с помощью фломастера изменил предыдущую фразу следующим образом: «*Газета «Литературная Россия» является рупором сил, направленных на возрождение России! Все на поддержку этих сил. Голосуйте за Чепуренко*».

Ну а последний неравнодушный читатель обозначил свою позицию предельно лаконично: «*Все, блин, козлы!!!*». Поначалу можно подумать, что запись сделана одним из «заборных живописцев», однако наличие правильно расставленных запятых позволяет предположить, что автор этой надписи – образованный человек и один из будущих симпатизантов графы «против всех» в избирательном бюллетене. Кстати, это лишний раз подтверждает, что, в отличие от многих бойкотирующих выборы, голосующие подобным образом были людьми с активной гражданской позицией, недобровольными наличествующим «электоральным предложением».

К отдельному типу комментариев можно отнести эмблемы коллекционеров и пометки дарителей, сделанные на агитматериалах, образцы которых приведены на иллюстрации 7. Большею частью это росписи или печати коллекционеров на оборотной стороне листовок. Однако встречаются и настоящие находки для будущих исследователей, содержащие подробную информацию о месте и времени распространения агитматериала, а также о том, кем он раздавался и кто сохранил его для истории¹.

Проведенный анализ имеющихся в Коллекции ГПИБ документов позволил сделать несколько выводов:

– наибольшее число документов, содержащих рукописные комментарии, относится к федеральным и региональным избирательным кампаниям 1989–1999 годов,

¹ См., напр.: Кандидат в народные депутаты России по национально-территориальному округу № 13 [г. Ленинграда] Риверов Юрий Васильевич. [Обращение к избирателям] : [Изоматериал] : [Листовка]. [М., 1990]. 1 л., 26x18 см. ГПИБ инв. № 1079617.

– большинство комментариев, как правило, принадлежало оппонентам действующей власти. Но если в 1989–1991 годах в основном их авторами были противники «засилья КПСС», то после распада Союза им на смену пришли борцы с «антинародным режимом Б.Н.Ельцина»,

– наличие или отсутствие рукописных комментариев на агитационных материалах – это барометр политической активности населения, которая отражается в показателях явки избирателей на выборы,

– исчезновение комментариев на документах 2000-х годов можно рассматривать как доказательство снижения интереса граждан к политике в результате дискредитации института выборов в России.

В завершение хотелось бы отметить, что рукописные комментарии на агитматериалах, будучи живым свидетельством нашего недавнего прошлого, служат, по нашему мнению, полноправным историческим источником, а следовательно, требуют систематизации и дальнейшего научного анализа.

Часть 3. Сюжет.

Цветаевские встречи и самиздатский сборник «Все о Цветаевой»

Анна Комароми

Тогда, в те застойные годы, это было нужно

Лев Абрамович Мнухин, цветаевед и специалист по эмигрантской литературной жизни, любезно согласился на интервью о своей работе в качестве редактора-составителя сборников «Все о Цветаевой», № 1 (1978) – № 22 (1984), которые попали в круг моего внимания в ходе исследований истории советской самиздатской периодики¹. Сборники «Все о Цветаевой» составлялись на основе докладов, которые зачитывались на встречах, посвященных жизни и творчеству Марины Цветаевой, с 1978 по 1984 год (сами встречи продолжались до 1991-го). Л.А.Мнухин готовил сборники с помощью друзей, в трех экземплярах. Сборники «Все о Цветаевой» не имели широкого распространения, так как были рассчитаны лишь на сохранение тех свидетельств и фактов биографии Цветаевой, которые в официальной печати доперестроечной эпохи освещались недостаточно или вовсе умалчивались. Сборники не подвергались репрессиям со стороны властей. Можно ли эти сборники считать самиздатом?

¹ Результаты наших исследований представлены в библиографической базе данных: Komaromi A. Soviet Samizdat Periodicals. <http://samizdat.library.utoronto.ca> (Опубликована в сентябре 2011 г.).

Я считаю, что можно, но следует признать, что Л.А.Мнухин не был диссидентом в общепринятом значении этого слова. Его деятельность имела корни в либеральных официальных течениях. Он не занимался проблемами государственного устройства и прав человека в Советском Союзе, которые находились в центре внимания участников демократического движения. К тому же Л.А.Мнухин, будучи москвичом, не принадлежал к так называемой второй культуре в Ленинграде¹. Зато деятельность Мнухина имела сходство с формами культурной публичной жизни ленинградских и ей подобных групп: его относительно независимые цветаеведческие встречи походили на семинары неофициальной культуры², подобно другим диссидентам, он пользовался печатной машинкой, чтобы издавать тот материал, который не мог получить распространения в официальной печати.

Чтобы понять, как деятельность Мнухина, с одной стороны, коренится в официальной культуре, а с другой – выходит из ее ограничений и значительно противостоит некоторым ее тенденциям, рассмотрим кратко характер этой деятельности. Лев Абрамович Мнухин, как многие советские граждане «с пятым пунктом», то есть евреи, был вынужден получить техническое образование³. Его увлечение творчеством М.Цветаевой началось в 1960-е годы. Оно соответствовало духу времени с его спорами «физиков и лириков», начавшимися осенью 1959-го с публикации в «Комсомольской правде» и распространившимися по другим местным и центральным периодическим изданиям.

¹ См.: Долинин В.Э., Иванов Б.И., Останин Б.В., Северюхин Д.Я. Самиздат Ленинграда 1950–1980-е: Литературная энциклопедия. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

² О семинарах см.: Долинин В.Э. Преодоление немоты : Самиздат Ленинграда. См. также: Кошаровский Ю. Мы снова евреи : В 4 т. Т.2. Иерусалим, 2008. Гл. 28.

³ См. публикуемые ниже отрывки из интервью А.Комароми с Л.А.Мнухиным 3 ноября 2007 г. Полный текст интервью будет доступен в собрании «Interviews with Dissidents and Activists of Unofficial Culture in the Soviet Union», University of Toronto Libraries.

В отличие от тех, кто настаивал на исключительном приоритете естественных и точных наук и технологии, группа писателей во главе с Ильей Эренбургом (сюда же входили Борис Слуцкий и Евгений Евтушенко) утверждала в прессе, что лирика с ее духовной целостностью имеет большее значение и даже необходима для современного человека и общества. Сторонники лирики апеллировали, в частности, к особой ценности советской лирики как средства духовного выражения самого прогрессивного народа в мире.

В полемике участвовало много знаменитостей¹. В частности, консервативный литературовед Корнелий Зелинский, который блокировал издание Цветаевой в 1940 году, а в 1958-м яростно обрушился на Бориса Пастернака, развивал идею синтеза языков точных и гуманитарных наук. Такой синтез вытекал, по мнению К.Л.Зелинского, из обязательной ориентации обоих видов науки (в сочетании с социальной практикой) на коммунистическую идеологию. «Коммунизм это мир прекрасного, а не просто мир “кнопочной цивилизации”», – утверждал критик².

Общность языка, с точки зрения литературного милиционера Зелинского, выражает победу коммунистической идеологии и соответствующее установление одной объективной точки зрения над всеми областями интеллектуальной и социальной жизни. Совершенно другой вид «общего языка», обусловленного субъективностью человеческих позиций, находим у М.Цветаевой. Например, в стихотворении Цветаевой «Новогоднее» (1927), написанном на смерть Рильке, есть такие строки:

Не позабыть бы, друг мой,
Следующего: что если буквы
Русские пошли взамен немецких –
То не потому, что нынче, дескать,

¹ Обзор этой полемики см.: Богданова К.А. Физики vs Лирики : к истории одной «придурковатой» дискуссии // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. С.48–66.

² Там же. С.52.

Все сойдет, что мертвый (нищий) все съест –
Не сморгнет! – а потому что тот свет,
Наш, – тринадцати, в Новодевичьем
Поняла: не без- а все-язычен.¹

Траур по Рильке пробуждает у Цветаевой воспоминания о ее детстве. Поэтический образ света «всеязычного» выражает желанную встречу тех, кто остался разбросанными по двум сторонам границы между жизнью и смертью, так же как между ее русским языком и его немецким. Иосиф Бродский писал, что общением с Рильке М.Цветаева была обязана своему знанию с самого детства немецкого языка и поэтому смерть немецкого поэта была для нее сильным ударом². В том же духе говорит о скорби одиннадцатилетней Марины Цветаевой по своей подруге Наде Иловайской Виктория Швейцер: с точки зрения прошедших лет эта смерть являлась предчувствием потери матери два года спустя и скорби по М.Рильке двадцать лет спустя.

В.А.Швейцер пишет: «Теперь же, одиннадцати лет, узнав о смерти Нади, она вдруг ощутила ее отсутствие как пустоту в мире («конец веревки, вдруг оставшийся у меня в руке») – и нестерпимый жар любви в сердце»³. Именно незаменимость Р.-М.Рильке – как незаменимость матери и подруги Нади – мотивирует скорбь и любовь М.Цветаевой, в картине мира которой разные языки становятся частями целого. Такой поэтический образ черпает свою эмоциональную силу из не-слияния языков и людей в земном мире. Ее чувство специфического существования себя и любимых – и боль от их потери – вдохновляет поэтическое воображение

¹ Цветаева М.И. Новогоднее // Собрание сочинений : В 7 т. Т.3 / Ред. Анна Саакянц и Лев Мнухин. М.: Эллис Лак, 1994. С.133.

² Бродский И.А. Об одном стихотворении // Бродский о Цветаевой. М.: Независимая газета. 1997. С.81.

³ См.: Швейцер В.А. Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: СП Интерпринт, 1992. С.52. Еще о смерти матери, о Рильке и о стихотворении «Новогоднее» см. там же (с.53–55).

о неземном синтезе. Такой глубоко человеческий момент вовсе отсутствует в желании К.Л.Зелинского подчинить не только разные языки, но и реальных людей земной диктатуре безликой идеологии.

Сама цель деятельности Л.А.Мнухина, разумеется, соответствует поэтической модели Цветаевой в противовес идеологической модели К.Л.Зелинского. В какой-то степени любовь Мнухина и остальных участников семинара к творчеству М.Цветаевой происходит из скорби по М.Цветаевой, по утрате поэта и его наследия, из желания найти место М.Цветаевой и восстановить связь с ней через время и через пропасть ее несбытия в официальной культуре¹.

Поэтому сборники Л.А.Мнухина «Все о Цветаевой» служат яркими примерами одной значительной грани феномена советского самиздата. Самиздат – это тот способ бытования текста², который в каждом случае стремится перейти границу между реальными людьми, разделенными спецификой времени и места. В позднесоветский период большинство читателей самиздата знали о публикациях типа «Хроники текущих событий» (Москва, 1968–1982), которые задумывались как способ максимально широкого и быстрого распространения информации о фактах нарушения прав человека. Другая сторона самиздатского диапазона представлена изданием сборников «Все о Цветаевой»: как и другие литературные издания, оно было задумано для очень узкого и ограниченного круга читателей, но в то же время было рассчитано на длительное хранение в домашних библиотеках. Пространство бытования таких изданий небольшое, но при этом предполагалось, что время жизни

¹ О содержании выпусков, как и о наличии копий в Александровском литературно-художественном музее Марины и Анастасии Цветаевых и в Музее-квартире М.И.Цветаевой в Болшеве, см. в базе: Komaromi, "Soviet Samizdat Periodicals".

² О самиздате как о специфическом «способе бытования текста» писал А.Ю.Даниэль в статье «Истоки и смысл советского Самиздата» (Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР, 1950–1980-е / Ред. В.В.Игрунов и М.Ш.Барбакадзе : В 3 т. Т.1. М.: Междунар. ин-т гуманитарно-политических исследований, 2005. С.17).

текста будет долгим¹. Более свободный контекст перестройки, а затем и постсоветская эра сделали ненужным подобный цветаеведческий форум. Однако эти сборники продолжают служить для сегодняшнего читателя связью с тем временем, когда они передавались из рук в руки, когда посредством их создания и распространения люди старались сохранить человечность языка.

Анастасия Кострюкова

Читать и слышать настоящую литературу

В 1931 году редакция эмигрантского журнала «Числа» обратилась к русским писателям с просьбой ответить на вопрос «Что вы думаете о своем творчестве?». Марина Цветаева ответила на него строчками своего стихотворения, написанного в 1913 году, когда ей было всего лишь двадцать лет:

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед².

В 1933 году в письме к Юрию Иваску она объяснила, что эти стихи выражают формулу всей ее «писательской (и человеческой) судьбы»³. Постоянное возвращение Цветаевой к этому стихотворению говорит нам, что ее всю жизнь волновал вопрос будущего читателя. Анна Саакянц считала, что Цветаева писала для будущего: «Это неизбежное

¹ Эти варианты трактуется как два полюса самиздатского «хронотопа» в статье Komaromi A. *Samizdat and Soviet Dissident Publics* // *Slavic Review*. Vol. 71 (2012). No. 2. P.70–90.

² Литературная анкета // *Числа*. 1931. № 5. С.288; полный текст стихотворения «Моим стихам, написанным так рано...» // Цветаева М.И. *Собр. соч.*: В 7 т. Т.1 / Ред. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухин. М.: Эллис Лак, 1994. С.178.

³ Письма М.И.Цветаевой Ю.П.Иваску (4 апреля 1933) // *Русский литературный архив* / Ред. М.Карпович, Д.Чижевский. Нью Йорк: Department of Slavic Languages and Literatures, Harvard University, 1956. С.211.

ощущение грядущего, которого она не увидит, но которое непременно придет, всегда сопровождало ее»¹. Утверждение М.Цветаевой – «Не успех, а: успеть» – в статье «Поэт и время» еще более подтверждает ее стремление высказать все, что ее волнует, радует, тревожит и возмущает, пока еще не поздно². Словесная игра слов *успех* и *успеть* устанавливает яркий контраст между физической жизнью человека и вечностью искусства. Ее творчеству «настанет свой черед» только через много лет после смерти поэта.

Саймон Карлинский, один из пионеров западного цветаеведения, отметил, что в сталинские времена в Советском Союзе о Марине Цветаевой соблюдалось полное молчание, будто она никогда не существовала³. Есть несколько широко известных версий, объясняющих, почему М.Цветаева была «персоной нон-грата» в сталинское время, – ее симпатия к Белому движению, ее самоубийство после возвращения в СССР, модернистский характер ее творчества.

В 1956 году, во время хрущевской «оттепели», несколько стихотворений Цветаевой и статья Ильи Эренбурга о поэте были напечатаны в сборнике «Литературная Москва»⁴. Эта статья задумывалась как вступление к однотомнику цветаевских стихов, готовившемуся к печати. Личное недовольство Н.Хрущева «Литературной Москвой» и резкая критика статьи И.Эренбурга в популярных журналах и газетах приостановили выход сборника⁵. Он был издан только в

¹ Саакянц А.А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. С.731.

² Цветаева М.И. Поэт и время // Цветаева М.И. Собр. соч. : В 7 т. Т.5. С.334.

³ Karlinsky S. Marina Tsvetaeva: The Woman, Her World and Her Poetry. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P.247.

⁴ Эренбург И.Г. Поэзия Марины Цветаевой // Литературная Москва : Литературно-художественный сборник московских писателей. М.: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.709–715.

⁵ Для более подробного обсуждения истории неизданного в 1956 г. сборника см. статью Льва Мнухина: Дело: «Марина Цветаева 1956 года (неизданная)» // Марина Цветаева в XXI веке : XIII и XIV цветаевские чтения в Болшеве : Сб. докладов / Ред. З.Атрохина, Г.Бернштейн и др. М.: Возвраще-

1961 году и послужил началом медленного ввода творчества М.Цветаевой в официальную советскую культуру. В том же году ее стихи были напечатаны в «Тарусских страницах»¹, а ее имя появилось в мемуарах И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь»², пользовавшихся большим успехом у читателей.

Несмотря на эти публикации, М.Цветаева оставалась официально в СССР не признанным поэтом. Ее стихи печатались чаще в периферийных журналах, чем в изданиях больших культурных центров. Например, журналы «Литературная Грузия» или «Литературная Армения», которые не подвергались жесткой цензуре Москвы, печатали довольно много ее произведений. Однако проза Цветаевой практически не печаталась даже в этих журналах, а из ее стихов публиковались только те, которые не затрагивали «провокационных» тем. Все же популярность Цветаевой быстро росла, но другими путями, а именно благодаря самиздату и энтузиазму почитателей ее поэзии. Карлинский отметил, что среди авторов, публиковавшихся в самиздате и не придерживавшихся канонов соцреализма, Цветаева скоро стала самым популярным³.

Популяризации творчества Марины Цветаевой много способствовал Лев Абрамович Мнухин. Инженер по образованию, он настолько увлекся ее творчеством, что цветаеведение стало его жизненным призванием. Мнухин познакомился с поэзией Цветаевой в 1961 году, а в 1966-м он случайно «наткнулся» на ее прозу – «Пленный дух» и «Дом у старого Пимена» – и «был просто потрясен, был

ние, 2003. С.255–263. Мнухин там же упоминает подробное изложение этой истории в кн.: Белкина М.И. Скращение судеб. Изд. 3, перераб. и доп. М.: Изд-во А и Б, 1999. С.325–331.

¹ Тарусские страницы : Литературно-художественный иллюстрированный сборник. Калуга: Калужское кн. изд-во, 1961. С.252–261.

² Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. М.: Советский писатель, 1961; организованная Мнухиным встреча № 24, 17 декабря 1984 г. была посвящена отношениям Цветаевой и Эренбурга.

³ Karlinsky S. Marina Tsvetaeva: The Woman, Her World and Her Poetry. С.251.

заорожен ее творчеством»¹. Вскоре он начал искать и собирать все, что относилось к Цветаевой. «Почти как мальчишки, которые собирают марки, монеты собирают, а мне захотелось, чтобы у меня дома были все издания и журналы, публикации, все, что выходило»². В его коллекцию вошли старые и новые публикации (включая те, что были переданы ему из Чехословакии и ГДР), периферийные журналы, антологии, мемуары тех, кто был знаком с поэтом (например, воспоминания Лидии Либединской «Зеленая лампа»³), а также картины и фотографии. К 1970-м годам Мнухин начал собирать личные вещи Цветаевой. С помощью Виктории Швейцер он нашел зеркало и посуду в небольшой деревне под Москвой. Сестра Цветаевой Анастасия вскоре добавила платье Марины. Многие из этих вещей были переданы в Дом-музей Марины Цветаевой в Москве, открывшийся в 1992 году. Очень быстро коллекция Мнухина переросла в небольшой домашний музей, который посещали его знакомые и люди, серьезно интересующиеся творчеством М.Цветаевой, в том числе иностранцы. Так, музей посетила Мария Разумовская из Вены, впоследствии использовавшая некоторые труды Л.А.Мнухина при написании биографии Цветаевой⁴.

В начале 1970-х годов Мнухин стал ездить по стране с лекциями о литературе. Ему хотелось рассказывать о модернизме, в особенности о творчестве М.Цветаевой, но в то время это были полузапретные темы. Лев Абрамович вспоминает, как имена М.Цветаевой и М.Булгакова были вычеркнуты из списка писателей в одном из его планов лекционных работ. Чтобы все-таки иметь возможность говорить о М.Цветаевой, Мнухин должен был придерживаться офи-

¹ Интервью А.Комароми с Л.А.Мнухиным 3 ноября 2007 г.

² Там же.

³ Либединская Л. Зеленая лампа. М.: Советский писатель, 1966.

⁴ Разумовская М. Марина Цветаева: миф и действительность. London: Overseas Publications Interchange, 1983.

циальных порядков¹. Он стал называть темы своих лекций обобщенно, например «Пути и судьбы русских писателей». На сцене же он говорил и о М.Цветаевой, и обо всем, чем ему хотелось поделиться со слушателями. Похоже, что в то время правильное название значило больше, чем сама суть лекции. Лекции ему помогало устраивать «Общество книголюбов», с которым Л.А.Мнухин наладил хорошие отношения. Он ездил в Ленинград, Алма-Ату, Одессу, Киев и в другие города, выступая где придется — в библиотеках, в научных институтах, в школах, в обсерваториях и даже на фабриках.

В 1978 году Л.А.Мнухин сконцентрировался на создании в Москве круга людей, увлеченных жизнью, судьбой и творчеством М.Цветаевой. Он стал инициатором литературных вечеров, посвященных поэту, проводившихся с 1978 по 1991 год.² Мнухин рассматривал эти вечера как логичное продолжение литературной реабилитации М.Цветаевой, начатой в 1956 году.³ На этих встречах можно было услышать воспоминания людей, лично знавших Марину Ивановну, узнать новые факты о ее жизни, познакомиться с ее стихами в исполнении известных артистов. Цветаевские вечера были отдушиной для москвичей⁴. Их посещали как филологи, так и просто любители поэзии для обсуждения наследия русской литературы, не признанного в Советском Союзе⁵.

¹ Для обсуждения одновременного существования внутри и вне системы см. кн.: Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More*. Princeton: Princeton University Press, 2006. P.126–157.

² См. перечень вечеров, тем и участников в кн.: Мнухин Л.А. *Итоги и истоки*. Королев: Музей М.И.Цветаевой в Болшеве, 2008. С.460–471. Вечера не носили официального названия. Мнухин их называет «тематические встречи, посвященные жизни и творчеству Марины Ивановны Цветаевой». С.459.

³ Там же. С.472.

⁴ Интервью (А.Комаром с Л.Мнухиным; личное интервью по переписке с Ирмой Кудровой 12 сентября 2010 г.; личное интервью по переписке с Екатериной Лубяниковой 10 марта 2011 г.).

⁵ Ирма Кудрова упоминает эти вечера в своей книге «Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность» (СПб.: Вита Нова, 2003. С.508).

Чтобы не раздражать власти, Л.А.Мнухину удавалось, используя прежнюю тактику, устраивать свои вечера без каких-либо преград. Находясь в хороших отношениях с «Обществом книголюбов», он попросил разрешения проводить эти встречи в местной библиотеке. Главной задачей было поддерживать нейтральный тон на встречах. «Это не было явным диссидентским делом, это не было вызовом. Это был литературный вечер. Я все время не превышал уровень возможного не из-за того, что мне было страшно, что меня привлекут, нет. Я только боялся, что меня прикроют и я потеряю вот эту интересную деятельность»¹.

Лев Абрамович старался чередовать «темы острые и неострые». «Скажем, Сосинский рассказывал об эмиграции, о Белом движении, о журнале «Воля России», где он работал, и так далее, а потом, в следующий раз, Илья Зильберштейн – официальный деятель культуры. А потом опять запретная тема, например о дочери Цветаевой Ариадне Сергеевне Эфрон, о ее лагерных годах. Читали ее письма из лагерей и так далее, а потом «Цветаева и книга», понимаете?»² Такое круговращение разрешенных и полузапретных тем позволило Мнухину продолжать свои вечера на протяжении более десяти лет.

На встречах обсуждались темы, интересовавшие и продолжающие интересовать многих цветасведов. Это очевидно из публикаций, вышедших в свет в последние несколько десятилетий. Некоторые вечера были посвящены отношениям Цветаевой с известными литературными деятелями. Например, «Цветаева и Пастернак» или «Цветаева,

¹ Интервью А.Комароми с Л.Мнухиным.

² Там же. Встреча № 2, 8 декабря 1978 г., была посвящена воспоминаниям Владимира Сосинского о Цветаевой. См. перечень оглавлений самиздатского сборника «Все о Цветаевой» в базе данных А.Комароми «Soviet Samizdat Periodicals» (<http://samizdat.library.utoronto.ca>). Выступление И.С.Зильберштейна было включено в сб. «Все о Цветаевой» № 3, 19 марта 1979 г. Запись выступления и разговора с Ариадной Эфрон см. там же – № 7, 17 марта 1980 г. А.В.Эйснер участвовал в вечере, записанном в № 8, 2 июня 1980 г. Тема «Цветаева и книга» обсуждалась в № 10, 23 декабря 1980 г.

Пастернак и Рильке»¹. Ученые утверждают, что именно на мнухинских собраниях переписка между этими поэтами была затронута впервые: Евгений Пастернак сделал доклад об этих «треугольных» отношениях на пятой встрече, в октябре 1978 года². Участники семинара также выступали на темы «Цветаева и Маяковский»³ и «Цветаева и Илья Эренбург». Жизнь поэта рассматривалась и в контексте ее местопроживания – «Цветаева в Москве» и «Цветаева во Франции»⁴. Еще одним направлением стало взаимоотношение творчества М.Цветаевой с разными видами искусства.

Помимо ежемесячных литературных вечеров Л.А.Мнухин устраивал «Цветаевские чтения», отличавшиеся исследовательской и академической направленностью, где чаще обсуждались работы М.Цветаевой, чем факты ее биографии. Первое собрание «Цветаевских чтений», состоявшееся 8 октября 1982 года, было посвящено 90-летию со дня

¹ Тема «Цветаева и Пастернак» глубоко исследована в кн. Ciepiela C. *The Same Solitude: Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. Там же обсуждалась тема «Цветаева, Пастернак и Рильке». Также см. главу «Pasternak and Rilke» // Taubman J. *A Life Through Poetry: Marina Tsvetaeva's Lyric Diary*. Columbus, OH: Slavica Publishers, Inc., 1989.

² Выступление Е.Б.Пастернака было включено в сб. «Все о Цветаевой» № 5, 8 октября 1979. Пастернаковед Кристофер Барнз (личное интервью, 29 июля 2009 г.) и Ирма Кудрова (личное интервью по переписке 12 сентября 2010 г.) подтвердили, что именно на этой встрече впервые публично обсуждалась переписка между тремя поэтами. Первое издание этой переписки вышло на немецком языке: Rainer Maria Rilke, Marina Zvetava and Boris Pasternak. *Briefwechsel* / Eds. E. Pasternak, El. Pasternak and K. Azadovsky. Frankfurt: Insel, 1983. Русское издание вышло только в 1990 г.: Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева: Письма 1926 года. М.: Книга, 1990. Очень подробно эта тема обсуждается Анной Тавис в статье: *Russia in Rilke* // *Slavic Review*. 1993. № 52/3. P.494–511.

³ С.Л.Соложенкина обсуждала эту тему на встрече № 6, 8 декабря 1979. Она была включена в сб. «Все о Цветаевой» № 6, 1979. Светлана Бойм обсуждала эту тему в кн.: *Death in Quotation Marks: Cultural Myths of the Modern Poet*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1991.

⁴ О Цветаевой в Москве, см.: Все о Цветаевой. 1981. № 11. О Цветаевой в Париже см.: Там же. 1984. № 21. Также см. кн.: Каган Ю. *Марина Цветаева в Москве: путь к гибели*. М.: Отечество, 1992; Taubman J. *Paris // A Life Through Poetry*.

рождения М.Цветаевой. Последнее чтение, завершившееся вечером Л.А.Мнухина, – 8 октября 1991 года. Каждое чтение длилось весь день. Там начинающие цветаеведы имели возможность выступить со своими работами, ознакомиться с новыми материалами о М.Цветаевой, а также обменяться мнениями. В то время, когда цветаеведение еще не было академической дисциплиной, «Цветаевские чтения» и другие мнухинские мероприятия были единственной общественной средой для серьезного изучения поэта.

Активное участие в вечерах Л.А.Мнухина принимала Анна Саакянц, ставшая вскоре выдающимся цветаеведом¹. Благодаря близкому знакомству с дочерью Цветаевой, Ариадной Эфрон, Саакянц получила много материалов о поэте, которыми делилась с участниками встреч. На вечера приходила также Ирма Кудрова, в настоящее время ведущий специалист по творчеству М.Цветаевой, специально приезжавшая для этого из Ленинграда². Людмила Зубова и Юдифь Каган также были в числе участников³.

Помимо начинающих цветаеведов Л.А.Мнухин приглашал на свои встречи видных русских и зарубежных ученых. Например, на вечерах выступали с докладами литературовед и искусствовед Илья Зильберштейн, филолог, специалист по поэзии Серебрянного века Сергей Аверинцев, литературовед, специалист по античной литературе и русской поэзии Михаил Гаспаров. Участие этих ученых в вечерах Л.А.Мнухина говорит нам о серьезности некоторых дискуссий, а также об их необходимости при отсутствии других форумов, посвященных этой теме. 13 января 1989 года участники встреч познакомились с Саймоном Карлинским,

¹ См.: Мнухин Л.А. Итоги и истоки. С.472 (Саакянц участвовала во встречах № 1, 10, 14, 16, 20, 22, 23, 30, 39, 41. Ее первой книгой была «Марина Цветаева: страницы жизни и творчества». М.: Советский писатель, 1986).

² Там же. С.472. (Кудрова участвовала во встречах № 16, 27, 28, 32.)

³ Людмила Зубова – автор кн.: Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. Юдифь Каган – см. ссылку 122.

который в 1966 году первым из американских ученых написал монографию о Цветаевой¹. Из Парижа на мнухинские встречи приезжала Вероника Лосская, дочь русских эмигрантов, прочитавшая доклад о жизни Цветаевой в эмиграции. Через год после этой встречи она выпустила книгу, в которую вошли фрагменты ее выступления².

Участие людей, лично знавших М.Цветаеву, было, наверное, самой важной частью всех встреч, ей посвященных. Мнухин понимал, что скоро многие из них уйдут из жизни и все, что они знают и помнят о Цветаевой, уйдет вместе с ними. Он придавал большое значение выступлению Анастасии Ивановны Цветаевой на десятой встрече, 23 декабря 1980 года. На вечерах можно было услышать литераторов Владимира Сосинского, Алексея Эйснера, Риту Райт-Ковалеву и художника Леонида Фейнберга.

Мнухин старался убедить этих и многих других людей записать свои воспоминания. В 2002 году мемуары В.Сосинского и А.Эйснера были выпущены в сборнике Л.Мнухина *«Цветаева в воспоминаниях современников»*³. Сосинский предпослал своим воспоминаниям следующий эпиграф: «Посвящается Льву Абрамовичу Мнухину за то, что он заставил меня их написать, для чего я в себе не находил сил и желания в течение тридцати семи лет»⁴. Л.Мнухин объяснял стремление собирать и записывать как можно больше материалов о М.Цветаевой (он составил библиографию, собрал многочисленные мемуары и альбом фотографий⁵) соединением своего технического образования с литературным призванием. Этим стремлением объясняется и создание

¹ Karlinsky S. Marina Cvetaeva: Her Life and Art. Berkeley: University of California Press, 1966.

² Лосская В. Марина Цветаева в жизни: неизданные воспоминания современников. Тенафу, N.J. : Эрмитаж, 1989.

³ Марина Цветаева в воспоминаниях современников: В 2 ч. / Сост. Л.А.Мнухин, Л.М.Турчинский. М.: Аграф, 2003.

⁴ Сосинский В. Она была ни ни кого не похожа // Там же. Т. Годы эмиграции. С.178–188.

⁵ Марина Цветаева: фотолетопись жизни поэта / Ред. А.Саакянц, Л.Мнухин. М.: Эллис Лак, 2000.

самиздатских сборников «Все о Цветаевой», составленных по записям выступлений на встречах.

Притягательным моментом вечеров были выступления выдающихся артистов. Актрисы МХАТа Ариадна Ардашникова и Татьяна Дорониная, народный артист СССР Дмитрий Журавлев и его дочь Наталья Журавлева, певица и поэт Вероника Долина читали на вечерах стихи и прозу Цветаевой. Эти выступления придавали вечерам особую привлекательность и помогали поддерживать иллюзию дозволенности в глазах властей.

Любители, литературоведы, знаменитые артисты – люди, чьи пути, быть может, никогда бы не пересеклись, – все с энтузиазмом участвовали в этом литературном реабилитационном процессе. Мнухин приписывал такой энтузиазм духу того времени, когда у людей возникло стремление читать и слышать настоящую литературу¹.

Хрущевская оттепель ненадолго приоткрыла дверь в мир модернистской литературы, а узкий выбор официальной печати в период «застоя» был уже недостаточен для людей с более серьезными интересами, часто выходящими за рамки официальной культуры. Некоторых к вечерам привлекала именно их «полузапретность»². К концу 80-х годов литературная реабилитация М. Цветаевой подошла к концу и цветаевские вечера стали терять свое общественное значение. Эстафета цветаевских вечеров перешла к музеям Цветаевой, открывшимся в начале 90-х годов³.

¹ Интервью (Комароми с Мнухиным).

² Личное интервью по переписке с Ирмой Кудровой 12 сентября 2010 г.; Личное интервью по переписке с Екатериной Лубянской 10 марта 2011 г.

³ Музей-квартира М.И. Цветаевой в Болшеве был открыт в 1992 г. и теперь проводит ежегодную международную Цветаевскую конференцию. 12 апреля 2012 – <http://www.museum.ru/m2542>. Александровский литературно-художественный музей Марины и Анастасии Цветаевых был основан в 1988 г. и открыт в 1991-м. 12 апреля 2012 – <http://www.russianmuseums.info/M2359> Дом-музей Марины Цветаевой в Москве был основан в 1991 г. и открыт в 1992 г. 12 апреля 2012 – <http://www.dommuseum.ru/>

Лев Абрамович Мнухин стал тем читателем, для которого Цветаева творила всю свою жизнь. Мало того, он своими встречами привлек к ее творчеству многих из тех, кто прежде о ней даже не слышал. Таким образом он способствовал увеличению широкого круга читателей, воспринявших ее поэзию как «драгоценные вина».

Отрывки из интервью **Анны Комароми** со **Львом Мнухиным**

Париж, 3 ноября 2007 г.

Л.М. Я родился в Москве 9 апреля 1938 г. в семье служащих. Отец был механиком. Мать машинисткой. Учился в обычной школе. Школу я окончил с серебряной медалью, что позволило мне, несмотря на то, что я был юноша с пятым параграфом, то есть Лев Абрамович, и были проблемы с поступлением, все-таки обойти это препятствие. <...> я прошел в Московский энергетический институт. По окончании института был распределен в проектную организацию. Это был 1961 год, и практически с 1961-го, с 1962-го уже помимо техники стал интересоваться литературой, живописью, ходить на выставки, подобрал себе круг людей, которые меня вовлекали в это во все. И первое, что я прочитал после окончания из таких вещей, которые для меня были проводником, это «Люди, годы, жизнь» Эренбурга, где была масса фамилий, и хотелось узнать, что это были за фамилии, чьи художники, кто такой Пастернак, кто такая Цветаева... <...>

А в 1966 году я осенью отправился в отпуск. <...> Было скучно, погода была ужасная, нечего было делать (ни плавать, ни гулять по лесу). И я пошел в библиотеку и стал читать все журналы за последнее время – «Новый мир», «Москва», «Звезда» – так называемые толстые журналы. И наткнулся на прозу Цветаевой – на «Пленный дух» об Андрее Белом и «Дом у старого Пимена» – и был просто потрясен, был заморожен ее творчеством. Ее стихи тогда я плохо

знал, хотя у меня сборник был. <...> Я приехал из отпуска домой и стал искать, собирать все, что можно, чтобы дальше читать, про это узнавать и т.д. И постепенно это перешло в желание собрать как можно больше и знать как можно больше. И поскольку я человек технический, то у меня и подход был технический – составление библиографии, адресной книги Цветаевой, то есть не литературоведческая работа, а ближе к краеведческой, библиографической. Это мне было проще, потому что образование было техническое. <...>

В 1967 году я уже начал всю собирать, узнавать, ходить по букинистическим магазинам, библиотекам. Старался отлавливать все новые журналы, которые выходили. Скажем, вышли воспоминания Либединской, книга «Зеленая лампа», и там маленькая главка о Цветаевой. Значит, я достаю эту книжку, потом нахожу телефон Лидии Борисовны, звоню, объясняю причину, договариваюсь, еду к ней, она мне ее подписывает, а я записываю, что она рассказывает, стараюсь уловить то, что не вошло в книгу. Или потом встреча с Наталией Кончаловской, женой Сергея Михалкова, которая тоже главку опубликовала о Цветаевой (она ее видела в 1941 году). <...> помогала мне много раз Либединская: то напишет специально для меня вариант своих воспоминаний, то поможет достать книгу – писатели имели свой книжный магазин Союза писателей. Они могли туда пойти и взять для меня книгу, которую никто другой не мог купить.

Вольно или невольно дома стал складываться такой маленький музей – домашний музей Цветаевой. <...> Домашний музей – это были картины художников современных, которые писали Цветаеву по фотографиям. Сами фотографии, чаще всего увеличенные. Были книжки, старые и новые, публикации, представленные так, что их можно было увидеть. Я переписывался с Чехословакией, переписывался с ГДР и просил корреспондентов, чтобы мне присылали издания Цветаевой на иностранных языках. <...> А потом, в 1975-м или в 1976-м, мне попали личные вещи Цветаевой. <...>

Когда количество посещений моего дома стало уже переходить все возможные нормы, домашним так стало тяжело, когда все время люди приходят <...> тогда у нас родилась идея сделать встречи для всех своих единомышленников и проводить такие вечера, где каждый вечер прошел бы по какой-то теме и мог собрать уже всех желающих. И вот тут-то, чтобы закрепить все, что говорилось на вечерах (очень многие вещи говорилось), родилась идея все это записывать и из этих записей делать своего рода сборники. <...>

Зал в библиотеке вмещал где-то порядка ста человек. Ну еще могли стоять в дверях. <...> Это в районной библиотеке Ждановского района. Звучит, да? Ждановский. Он сейчас Таганский стал район. Тогда был Ждановский. Друзья надо мной даже еще как-то посмеивались, вспоминали пресловутое постановление 1946 года. Была районная библиотека, а я просто жил рядом. А я был на очень хорошем счету в Обществе книголюбов в районе, потому что я работал в Научно-исследовательском проектном институте и одновременно занимался распространением книг. Обычных, новых, советских книг. Проводил какие-то регулярные сообщения и информации по книгам современным и был на хорошем счету. Мои публичные выступления о книгах шли, видимо, в общие отчеты об общественной работе в институте. И поэтому, когда я пришел с просьбой разрешить мне делать вечера книголюбов в Таганской библиотеке, то, в общем, вопросов и препятствий не возникло. Это из райкома партии, где у них там был отдел культуры, сказали, что да, не возражают и что даже хорошо было бы вести такую постоянную нужную работу. И в течение семи-восьми лет мы там ежемесячно собирались. <...>

Были письма и воспоминания и Цветаевой, и о ней, кто-то из артистов брался читать. Кто-то выступал из зала, дополнял что-то. Прошел вечер Сосинского, потом был вечер Ильи Зильберштейна, который привез массу материалов из Парижа в свое время. Он занимался научным изданием литературного наследия писателей, и его власти послали

во Францию искать среди эмигрантов и собирать документы, материалы и тому подобное. По приезде он написал об этом книгу, а к нам на встречу пришел рассказать о том, что он привез о Цветаевой. На другом вечере выступающим был Евгений Борисович Пастернак – сын поэта, он читал письма Цветаевой и Пастернака. Ведь многие тексты тогда еще были неизвестны. А были сборные вечера, например «Цветаева и книга». Таких было несколько – пять-шесть, может быть. У кого-то редкое издание или редкая надпись, вот и история. <...>

А.К. А к вам в это время попадали западные издания Цветаевой?

Л.М. Попадали, я их собирал с трудом, дома, естественно, у себя прятал, задвигал за обычные книжки. Очень боялся, что если узнают, то у меня их отнимут. И как же потом я буду опять их доставать (например, «*Лебединый стан*» 1957 года, Мюнхен)? Я был уверен, что если меня лишат этой книги, то я больше никогда не смогу ее восстановить. Я очень дорожил томом прозы Цветаевой 1953 года Издательства имени Чехова в США.

Эту книгу я нашел в Петербурге (тогда Ленинграде), поменялся с одним книжником. Он был в командировке за границей и, видимо, имел возможность провезти каким-то образом книгу. А ему нужны были наши старые журналы, типа «Аполлон», или что-то похожее. И я с радостью с ним поменялся. «*Лебединый стан*» (первое издание) 1957 года я купил на черном рынке, там под большим таким секретом, осторожно на меня смотрели, изучали, все-таки продали.

А «*Несобранная Цветаева*», такой большой красный том вышел в Германии в 1971-м. Мне очень хотелось эту книгу, и Карлинский обещал мне: «Я вам пришлю». Я говорю: «Нет, я боюсь, что она до меня не дойдет. Ее отберут». И тогда мы придумали так, что он послал бы ее в Прагу. Это было несложно. В Праге на почте на русскую книгу Цветаевой мало кто обратил бы внимание. А я играл в европейском шахматном турнире по переписке. И в Праге жил один

из участников турнира. Он согласился получить книгу из Америки и переслать ее мне. И он получил эту книжку и переслал. А из Праги, как и из других социалистических стран – Польши, Болгарии и других, практически не смотрели досконально посылки. Потому что вряд ли кому-то могло прийти в голову, что из Чехии шлют книгу, изданную в другой стране. Была обычная бандероль, и все. <...>

Когда приехала в 1976-м в Москву Вероника Лосская, профессор из Парижа, то привезла мне парижский сборник Цветаевой «*После России*». Приезжали, помогали собирать, этим очень поддерживали. <...>

Согласно той хронике, которая была выпущена такой маленькой брошюрой, за время 1978–1985 годов прошло 26 заседаний, потом было еще более десяти, в том числе, как я говорил, встреча с Карлинским, были выступления Генриха Горчакова, который сейчас в Израиле, Семена Липкина и Инны Лиснянской, это все потом. Значит, было описано 26. Что касается самих выпусков, то из 26, по-моему, нет семи, потому что в одном случае сломался магнитофон (14-я встреча), в других случаях выпуски не печатали, потому что это были большие чтения – много докладов (более десяти полных докладов, затем прения), не хватило сил расшифровать пленки (16-я и 20-я). Последним, по-моему, был 22-й выпуск. И около десяти вечеров сохранились только в магнитофонной записи (№ 16, 20, 23–27, 30, 37, 39). <...>

А.К. А когда вы делали три экземпляра – как они распространялись или как они хранились?

Л.М. Да, вопрос с распространением, мне кажется, возник с самого начала, когда мы печатали. Я во вступительном слове пишу к этой хронике всех этих событий, пишу, что они предназначались в первую очередь, чтобы сохранить для моего собрания, для нашего собрания, сам факт встреч и материалы, кроме того, в будущем они могли предназначаться и для государственных собраний. Хотя в то время я в государственные собрания, естественно, не верил. В архивы меня, как и многих, не пускали, в спецхран попасть была

целая проблема и т.д. Поэтому государственные хранилища это совсем какое-то далекое будущее. Большое количество ксерокопий делать было абсолютно нереально, потому что я работал в техническом институте, в отделе размножения проектной документации никто за литературные вещи не брался даже. <...>

В 1980-е годы Цветаева уже перестала быть замалчиваемым поэтом, тиражи ее книг росли с каждым днем, было открыто в стране несколько музеев Цветаевой, и наши цветаяевские вечера переставали играть важную роль в культурной жизни Москвы. Выпуски стали историей, а наши встречи (всего 41) примером того, как можно заниматься творчеством поэта, как можно «служить» поэту. А собрание мое «Все о Цветаевой» продолжало помогать мне и дальше. Вскоре я стал научным руководителем Дома-музея Цветаевой в Москве. <...>

В 1981 году журнал «Литературное обозрение» – или в 1982-м – предложил мне сделать выборку из писем Ариадны Сергеевны Эфрон, которые касались бы поэзии и вообще творчества ее матери, литературные факты биографии и т.д. У меня письма эти были – что-то было в подлинниках, что-то в копиях. Я сделал такой вот подбор, где она говорит о произведениях Цветаевой, о ее современниках, о Пастернаке и т.д. Подборка получилась довольно интересной, во всяком случае, с литературной точки зрения.

Вступительную статью я попросил написать Анну Саакянц. Сам я такие статьи писать не умел, а во-вторых, авторитет Анны Саакянц давал дополнительные шансы на публикацию в целом. (К тому времени я уже не раз был свидетелем, как в последний момент редактор снимал с публикации материалы о Цветаевой.) В своей статье Саакянц писала об Ариадне Сергеевне, ее литературном таланте, о ее бережном отношении к наследию матери и т.д., а затем там был абзац, в котором было сказано примерно так: «К сожалению, этот талант не был осуществлен в полной мере, так как на шестнадцать лет Ариадна Эфрон была

насильственно выключена из нормальной человеческой жизни (находилась в лагере)...» Приходим в редакцию, а Анне Саакянц там говорят, что этот абзац надо снять. Она категорически отказывается: «Тогда я снимаю свою статью, снимаю свою подпись» и т.д. Конечно, я был с нею согласен. Но, с другой стороны, читатель лишился публикации о Цветаевой. В конце концов Саакянц решила: «Ну хорошо, я подписывать не буду, пусть делают, что хотят». Журнал вышел, мы получили экземпляры. Анна Александровна отдельно напечатала выброшенный редакцией абзац – 50–70 экземпляров, и вот где могли мы его клеивали в каждый экземпляр. И у меня, и еще у ряда коллег этот журнал сохранился с такой вклейкой. В каждом аналогичном случае у нас не было ощущения, что мы представляем собой некую фронду, что наша задача постоянно протестовать, нет, мы просто стремились вещи называть своими именами. И это очень многих привлекало, думаю, что это одна из главных ценностей наших встреч. И еще не менее важно, что многие люди могли впервые увидеть людей известных, талантливых, в том числе современников Цветаевой. Аудитория могла знать некоторых из них по книгам и публикациям, а вот увидеть их своими глазами, услышать их воспоминания и выступления, такая возможность была в Москве, пожалуй, лишь на наших вечерах. <...>

Часть 4. Публикации

Иван Ковалев

Некоторые соображения о помощи политзаключенным: Памятка. 1979 г.

*Публикация и вступительная заметка
Алексея Макарова*

Инструкции и памятки как жанр самиздата известны с конца 1960-х годов. Можно вспомнить «Юридическую памятку для тех, кому предстоят допросы» Александра Есенина-Вольпина (1969), пособия Владимира Альбрехта «Как вести себя на обыске» (1976), «Как быть свидетелем» (1979, с юмором, а может, всерьез подписанное – издание седьмое), памятка «Ко мне пришел иностранец» Валерия Чалидзе (1971).

Многократно упоминается в мемуарах «Памятка абитуриенту, которого приемная комиссия может счесть евреем» Валерия Сендерова (1979). До недавнего времени документ считался утерянным, но в 2012 году в Архив «Мемориала» поступил экземпляр с авторской правкой. Существовали и памятки, как подавать документы в ОВИР.

Большая часть этих документов многократно републиковалась в 1990-е годы в печатных сборниках и в Интернете. И по сей день эти документы, к сожалению, актуальны и используются: памятка «Ко мне пришел иностранец» пользовалась большим успехом у кубинских диссидентов в 1990-е (в переводе на испанский, разумеется), система Альбрехта «ПЛОД» использовалась при составлении анархистами сборника «Психология допроса» в 2000-е (хотя и без ссылки

на источник), о достоинствах и недостатках «Как быть свидетелем» и польского «Малого конспиратора» (1983) спорила молодежь в декабре 2010-го в Беларуси.

Памятка «Некоторые соображения о помощи политзаключенным» была адресована Западу. Ее составил член Московской Хельсинкской группы Иван Ковалев в 1979 году. Она входила в сборник Ивана Ковалева «История одной голодовки. Сергей Ковалев» и публиковалась в эмигрантской газете «Русская мысль» в феврале 1980 года. Однако этот документ не ходил широко в самиздате.

В Архиве Международного Мемориала «Памятка» хранится в двух фондах – Алексея Смирнова (ф.107) и Леонарда Терновского (ф.186). Тексты идентичны, за исключением некоторых пунктуационных пропусков: в одном из экземпляров пропущено несколько запятых. Текст публикуется по экземпляру из фонда Терновского.

Некоторые соображения о помощи политзаключенным

Проблема помощи политзаключенным заслуживает отдельного детального рассмотрения, я же позволю себе остановиться лишь на некоторых ее аспектах, попытаюсь показать, так сказать, общее вероятное направление действий. Кроме того, особенно важным мне кажется показать возможность помощи из-за границы. Поэтому я привожу в основном те рекомендации, которые могут оказаться полезными заинтересованным лицам не только в нашей стране, но и за границей, а в некоторых случаях – только для заграницы.

Кампании в защиту политзаключенных

Легко заметить, что кампании в защиту какого-либо политзаключенного носят нерегулярный характер: арест, суд, экстраординарные события с ним в лагере. Полезно было бы проведение таких кампаний и в другие дни, например, в день ареста и суда ежегодно, в день рождения политза-

ключенного, 30 октября¹, 10 декабря², в дни национальных и религиозных праздников, которые отмечает этот политзаключенный.

Одним из наиболее действенных и «убедительных» для наших властей способов организации кампании в защиту политзаключенного представляется учреждение специального комитета защиты.

Личные контакты с администрацией

(лагерная администрация, ГУИТУ, прокуратура, Верховный Совет)

Когда С.Ковалев добивался перевода в Ленинградскую тюремную больницу для операции, несколько представителей Международной Амнистии, бывшие в то время в Москве, побеседовали на эту тему с представителями ГУИТУ (государственное управление исправительно-трудовых учреждений)³. Думаю, что это обстоятельство сыграло не последнюю роль в исходе дела. Личные контакты такого рода, особенно если они происходят более или менее регулярно, представляются мне очень важными. В этом плане очень важны попытки добиться личного контакта с представителями лагерной или тюремной администрации и даже с самим политзаключенным.

Запросы о здоровье и наказаниях

Крайне важны регулярные и частые запросы о состоянии здоровья политзаключенного, не получал ли он дополнительных наказаний и за что – перевод в тюрьму, ПКТ, ШИЗО, лишения свиданий, посылки, бандероли, не держал ли он голодовок. Если политзаключенный болен, необходимо спросить, какое лечение, какие медикаменты он получает, послать в лагерь нужные лекарства, которых

¹ С 1974 г. этот день отмечался в лагерях как День политзаключенного. (Здесь и далее примечания публикатора.)

² С 1950 г. – Международный День прав человека.

³ Подробности этой полугодовой эпопеи (1976–1977 годов) можно прочитать в «Хронике текущих событий» № 44. Среди посетивших ГУИТУ был Том Стоппард.

нет в санчасти. Сравните лечение, получаемое этим политзаключенным, с тем, которое получают аналогичные больные в вашей стране.

Очень эффективными могли бы оказаться запросы по телефону лагерного начальства. Можно было бы воспользоваться случаем и попытаться пригласить к телефону самого заключенного: я не знаю запрета на пользование заключенными телефонной связью; если администрация откажет вам в разговоре, потребуйте, чтобы она сослалась на действующее законодательство, где содержится соответствующий запрет.

Переписка

Политзаключенному можно и нужно посылать письма, открытки, телеграммы, фотографии, книги (если из СССР, то их можно передать или через следователя во время предварительного следствия, или потом через «Книгу-почтой»). Необходимо делать запрос администрации о вручении любого отправления, особенно это относится к заграничным корреспондентам (пропажи и конфискации являются здесь скорее правилом, чем исключением).

Следует оставлять копии писем (если письмо пропало, можно будет послать его копию, целесообразно также публиковать копии конфискованных писем). Письма надо нумеровать, посылать заказными с уведомлением. При регулярной переписке хорошо уведомить вашего корреспондента о том, что вы будете посылать¹ по определенным дням – тогда он будет иметь основание сказать администрации: «Я знаю, что мне должно прийти письмо, где оно?».

Старайтесь по возможности присылать письма в красивых конвертах, с нестандартными марками. Хорошо посылать красивые открытки (обычные и стерео), иногда наборы. Все письмо может быть написано на открытках, вложенных в один конверт. Почаще надо посылать фотографии.

¹ В экземпляре из ф.107 – «писать».

Если в письме имеются какие-нибудь вложения, это надо обязательно указать в тексте.

Если первые ваши письма не были вручены адресату, не прекращайте попыток – при известной настойчивости можно добиться успеха.

Если ваши письма конфискуют, запросите администрацию, каким конкретно цензурным требованиям они не удовлетворяют, как надо писать «проходимые» письма, объяснить причины его конфискации и опубликовать также ваш запрос и ответ на него. Иногда имеет смысл послать несколько копий одного письма. Хорошо время от времени писать обзорные письма по предыдущим.

Большой интерес, на мой взгляд, представляет попытка послать в лагерь звуковое письмо.

Если вы решили переписываться с каким-либо политзаключенным¹, учтите, что он скорее всего не сможет вам ответить. Старайтесь писать письма с учетом его интересов, сообщайте ему текущую информацию – при этом не бойтесь писать о событии, которое «у всех на устах». Может случиться, что эта новость не доходит до заключенного просто потому, что всем кажется, что все об этом уже знают. Кроме того, он может узнать из вашего письма какие-нибудь дополнительные подробности; может случиться так, что остальные письма на эту тему не дошли. Посылайте заключенному стихи, рисунки, отрывки из художественных произведений. Лучше если это будут отдельные от основного текста листы, но не забывайте указать это в письме.

Контакты с родственниками или доверенными лицами политзаключенного

Переписка и личные контакты с родственниками или доверенными лицами всегда помогут вам быть в курсе событий, а также поближе узнать своего подопечного.

Помните, что возможности получения любой информации, кроме советских газет, у заключенного сведены к

¹ В экземпляре из ф.107 – «заключенным».

минимуму. Поэтому очень важно помочь родственникам в сборе информации для него:

- собирайте вырезки из газет;
- ведите список интересных публикаций в толстых журналах;
- по каждой области основных интересов вашего подопечного найдите активно занимающегося ею специалиста. Он поможет вести список наиболее важных книг и статей, выпшедших в этой области с момента ареста вашего подопечного, а также сообщит вам или непосредственно ему и его родственникам новости в этой области;
- храните копии своих писем;
- собирайте информацию о действиях других частных лиц и организаций, выступавших в защиту вашего подопечного;
- и, разумеется, собирайте информацию о ходе дела этого заключенного.

Я думаю, полезно было бы кроме регулярного обмена собранной информацией с родственниками или доверенными лицами еще и публиковать часть ее в форме информационного бюллетеня.

Помощь семье

Помните, что арест кормильца часто ставит семью в очень сложные материальные условия. Прибавьте к этому расходы на защитника, выплату судебных издержек, поездки на свидания (часто за несколько тысяч километров), посылки, бандероли, подписку.

Поэтому нужно помогать и родственникам политзаключенного. Важна не только материальная помощь. Многих можно порадовать книгами (например, в Советском Союзе изданы сборники Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, но таким позорно мизерным тиражом, что приобрести их невозможно – большая часть тиража ушла за границу; трудно приобрести даже русских классиков – Толстого, Достоевского, Чехова...), журналами, пластинками.

Необходимо отметить, что в условиях нашей страны не каждый решится на какие бы то ни было контакты с иностранцами. Поэтому может случиться, что родственники не захотят принять вашу помощь. Однако это не значит, что эту помощь не надо им предложить.

Подумайте сами, что еще можно сделать

Предлагаемое направление действий сводится, вкратце, к тому, что если для нас, граждан этой страны, «можно все, что не запрещено», то иностранцам я прошу НЕ ВЕРИТЬ МНЕ НА СЛОВО. ПОПРОБУЙТЕ – И УБЕДИТЕСЬ САМИ.

Попробуйте попасть на политический процесс – и убедитесь, что вас не пустят на «открытый» суд.

Попробуйте навестить заключенного в лагере – убедитесь, что вам это не удастся.

Попробуйте послать тяжелобольному в лагерь лекарства, в которых он остро нуждается, – и убедитесь, что он их не получит.

Ася Лащивер

Диссидентские воспоминания

*Публикация и вступительная заметка
Елены Струковой и Ирины Лащивер*

Перестройка фактически лишена мемуарного наследия участников общественных движений. Возможно, так она и останется в памяти поколений как дело небольшой группы коммунистов-реформаторов, решавших судьбу страны в кабинетах.

Участники общественных движений, или, как их называли в те годы, «неформалы», фактически ничего не писали об этих событиях. Нам известно о нескольких публикациях в Интернете (главным образом в разделе на интернет-странице В.Игрунова (Устная история: воспоминания и

осмысление http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/) и в изданиях, вышедших небольшим тиражом¹.

Воспоминания Аси Лащивер, в отличие от немногих известных источников, выпукло передают атмосферу времени. И хотя эти воспоминания посвящены главным образом диссидентскому движению, защите политзаключенных и отказников, на наш взгляд, для публикации больший интерес представляют материалы, связанные с периодом перестройки и ее начальным этапом (1986–1988).

Ася Лащивер колоритно описывает детали, которые на первый взгляд кажутся малозначащими, но именно по таким воспоминаниям реконструируется яркая эпоха, пришедшая на смену серым будням застоя.

Автор воспоминаний родилась в 1940 году в Москве. До сближения с диссидентским движением работала во ВНИИ кабельной промышленности. Участвовала в деятельности Фонда помощи политзаключенным, перепечатывала самиздатские бюллетени «Евреи в СССР», «Хроника текущих событий», бюллетень Советской группы Международной Амнистии и «Бюллетень В», с 1983 года входила в группу «Доверие», в 1987–1988 годах принимала активное участие в создании первой политической партии, альтернативной КПСС, – «Демократический союз», была членом редакции одного из первых неформальных периодических изданий перестройки – журнала «Гласность» и одним из составителей сборника «Приговоры по политическим делам в СССР» (1991–1994).

За свою политическую деятельность неоднократно подвергалась преследованиям, в частности негласному «запрету на профессию». Под давлением КГБ в 1980 году была вынуждена уволиться из ВНИИ кабельной промышленности. Несколько лет работала в тресте службы связи метро, затем до 1988 года – оператором на железнодорожной станции.

¹ См., напр.: Фадеев В. Похождения неформала (очерк 1988 года). Вып. 1–2. М., 1992.

В середине 1990-х отошла от активной политической деятельности. Умерла в 2009 году в Израиле.

Как многие современные авторы, Ася Лаццивер публиковала свои записи в «Живом журнале» без названия. Однако в первой же записи от 28 августа 2007 года обозначила их как «диссидентские воспоминания». Мы сочли возможным именно так и озаглавить эту публикацию.

К сожалению, мы не публикуем имеющиеся на страницах «Живого журнала» комментарии участников событий, хотя они, безусловно, служат важным дополнением к тексту. С ними, как и с полной версией мемуаров, вы можете ознакомиться в «Живом журнале» Аси Лаццивер (<http://asunia.livejournal.com>).

Ну вот, с дочкиной подачи занялась делом, которым, считала, не буду заниматься никогда, – написанием своих диссидентских воспоминаний. Всегда относилась скептически к людям, приезжающим в эмиграцию и первым делом берущимся за написание книжки про себя любимого. По мне, если не можешь писать, как Пушкин, Достоевский, Чехов и иже с ними, для чего вообще писать, но увы – дочь сказала, что она многое не знает и ей будет интересно и внукам тоже, и я подумала строкой из «Мистера-Твистера» Маршака: «то, чего требует дочка, будет исполнено. Точка». Воспоминания не претендуют на какую-либо точность и в особенности точность хронологическую, и вообще «чукча не писатель, чукча – читатель» (это я про себя).

А начиналось все это так. Работала со мной в институте¹ женщина одна, с которой мы вроде бы и не дружили, а так – иногда совместно перекуривали. Знала про нее только, что живет она далеко от работы, с мужем в давнем разводе, одна растит сына. Потом она ушла в декрет, а из декрета к нам на работу так и не вернулась. А через год или

¹ Речь идет о НИИ кабельной промышленности. (Здесь и далее примечания публикаторов.)

два после того, как она ушла, она мне вдруг звонит и говорит, что хотела бы приехать в гости. Я не стала спрашивать, зачем – посчитала неловким, и договорились, что она приедет в ближайший выходной.

Она и приехала со своими мальчиками – один в возрасте моей дочери, а другой – год ему или полтора. Поговорили за жизнь, и она стала рассказывать, что никуда не может устроиться на работу, даже в булочную рядом с домом уборщицей не взяли, и что находится она в многолетнем отказе. Я сначала не поняла, спрашиваю – в отказе от чего? Тут она мне и объяснила, что подала документы на ПМЖ¹ в Израиль, а ей отказали, так как муж, с которым она развелась, когда первому ребенку полтора года было, не дает разрешения.

А потом пригласила меня на семинар на квартире ее друга в трех остановках метро от моего дома: там, мол, рассказывают об истории еврейского народа, потом перерыв на чай и бутерброды, а потом про современный Израиль. Я заинтересовалась и пришла туда в указанный час и день. Занятия там проходили раз в неделю. Очень мне там понравилось. Сходила и на второе занятие и с ходу успела на этом втором занятии поцапаться с хозяином кв[артир]ы и руководителем семинара. Обсуждали «самолетное дело»², и я сказала, что они, конечно, герои и молодца, а только есть нечто в их поступке, что сильно меня смущает – не сказав об этом решении своим близким, они автоматически делали последних заложниками этой системы; ребенку из такой семьи никакой институт не светит, мужу (жене) – никакая приличная работа.

¹ ПМЖ – аббревиатура, обозначающая «постоянное место жительства».

² События, связанные с попыткой захвата пассажирского самолета 15 июня 1970 г. организованной группой с целью эмиграции из СССР. Участники группы были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения. Организаторы – М. Дымшиц и Э. Кузнецов – были приговорены к высшей мере наказания. Впоследствии, под влиянием международной общественности, расстрел был заменен на 15 лет заключения. «Самолетное дело» стало важной вехой в движении за право на эмиграцию из СССР.

Большинство со мной не согласилось, но это не явилось препятствием к дальнейшему посещению, и я собиралась уже на третье занятие, но за день до него на работу мне позвонил нач[альник] отдела кадров и сказал, чтоб я немедленно подъехала к нему. (В то время у нас отдел кадров был за три автобусных остановки от основного здания.) Сказал, что [у] те[х] социолог[ов], что были неделю назад (а они действительно были, и мы все им какие-то анкеты с вопросами заполняли), <...> ко мне вопросы.

Ну приехала я, кадровик с бледно-зеленым видом лица и испуганными глазами подтолкнул меня в кабинет, бросив на ходу: «Вот вам сотрудница, а я, если что, в первом отделе». Четверо мужчин, что там сидели, представились сотрудниками КГБ. Помню, первой мсей реакцией был даже не испуг, а беспредельное изумление, никак не могла взять в толк, зачем я им понадобилась.

Ну, когда изумление прошло, я их спросила, что, собственно, они хотят, а они предложили подумать и догадаться <...>

[Далее излагаются события конца 1970-х – первой половины 1980-х годов: общение с отказниками, знакомство с диссидентами, участие в издании самиздатского журнала «Поиски», «Бюллетеня» «В», помощи политзаключенным, неоднократные обыски, допросы и задержания].

...Подходил к концу последний предперестроечный 86-й год. Был возвращен властями из горьковской ссылки А.Д.Сахаров¹, и они с женой вновь поселились в своей московской квартире. В этот год никого не задерживали на демонстрации 10 декабря² на Пушкинской площади. Вообще-то это была очень грустная демонстрация. Накану-

¹ А.Д.Сахаров вернулся в Москву из ссылки в Нижний Новгород 23 декабря 1986 г. по прямому указанию М.С.Горбачева.

² Митинги в День прав человека 10 декабря (до середины 1970-х – 5 декабря) проводились на Пушкинской площади с 1965 г. Несанкционированные митинги советских диссидентов всегда сопровождались задержанием участников.

не ее умер в тюрьме Анатолий Марченко¹, державший бессрочную голодовку за освобождение всех политзаключенных, несколько ранее повесился в тюрьме Марк Морозов².

Для меня лично конец этого года ознаменовался еще и потерей работы на метрополитене. А произошло это очень смешно. Раз в год мы сдавали экзамены на подтверждение квалификации. Обычно происходило это летом, а в 86-м почему-то дотянули с этими экзаменами аж до конца декабря. Происходила эта сдача экзаменов в кабинете зам. директора метрополитена. Ну, стою я перед его дверью в коридоре и жду вызова на экзамен. Тут появляется его секретарша и говорит: «Кто здесь Ася Абрамовна? Вас к телефону». «Меня? – спрашиваю я недоуменно. – Да я и номера телефона зам. директора не знаю». – «Ну вы не знаете, а звонящий вам знает, – заявляет секретарша. – Идите и разбирайтесь».

Подхожу к телефону и слышу голос моей знакомой из Америки Кати Ф.³ Вообще-то эта дама представляла себя так: «Я коммунистка, анархистка и христианка». Уже по одной этой заявке можно представить, какая мешанина творилась у нее в голове. Однако со своим делом – снабжением диссидентов в Союзе книжками «Список политзаключенных в СССР» справлялась она очень умело. И как потом выяснилось, просто она перепутала мой рабочий телефон с домашним и была уверена, что звонит мне домой. Позвонила она по телефону моего рабочего места.

Женщина, которая сидела на моем рабочем месте, как всегда в запарке от работы, продиктовала, чтобы долго не разгова-

¹ Марченко Анатолий Тихонович – диссидент, писатель, политзаключенный. Погиб в результате голодовки 8 декабря 1986 г. в Чистопольской тюрьме. Смерть А.Т.Марченко вызвала большой общественный резонанс, в результате которого власти СССР были вынуждены начать амнистировать политзаключенных.

² Морозов Марк Аронович – один из инициаторов создания Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ). Покончил с собой в Чистопольской тюрьме 3 августа 1986 г.

³ Фитрпаттик Катрин (Fitzpatrick Catherine) – член Хельсинкской группы США, известный правозащитник и гражданский активист.

ривать, телефон, по которому меня можно найти. Вообще-то могла я сказать этой Кате, чтоб перезвонила мне вечером домой, и телефон домашний продиктовать, но, будучи в удивлении от ее звонка по телефону зам. директора, стала отвечать на ее вопросы. А вопросы, как всегда, касались определенных лиц в лагерях и тюрьмах. Ну я ей старательно отвечала. Где-то на третьем или четвертом моем ответе, когда зам. директора, оправившись от оцепенения, понял, что происходит, он вырвал у меня из рук трубку и грохнул ее на рычаг так, что аж стекла зазвенели, и истошно завопил: «Вон! Немедленно вон!» Ну я и вышла. А через пять минут вышла в коридор его секретарша, сказала, что никакие экзамены мне сдавать не надо и шла бы я на свое рабочее место. Ну я и пошла.

Прихожу к своему местному начальству, а тот в удивлении спрашивает, что случилось, что недавно ему позвонил его начальство и орал этот зам. директора как резаный, чтоб твоей (то есть моей) ноги больше в его заведении не было. Ну я ему объяснила ситуацию, написала заявление об уходе по собственному желанию, [а] пока это увольнение оформила, и получилось, что уволилась я как раз 31 декабря, этакий новогодний подарок.

Впрочем, была бы шея, хомут найдется. Вскоре устроилась таким же оператором на железнодорожную станцию, да и там проработала недолго – месяца четыре...

* * *

...Перестроечные годы описывать нет смысла, поскольку затеяны воспоминания по просьбе моей дочери, а перестроечные годы, уже будучи взрослой, она и сама хорошо помнит, да и с ее мужем, моим зятем¹, работали мы в одном и том же месте – общественном фонде «Гласность»², воз-

¹ Шилков Андрей Юрьевич (1952–2008) – сотрудник фонда «Гласность», бывший политзаключенный.

² Фонд «Гласность» основан в 1987 г. журналистом, бывшим политзаключенным С.И. Григорьянцем. В 1987–1989 гг. фонд издавал бюллетень «Гласность», одно из первых неформальных периодических изданий периода перестройки.

главляемом вернувшимся из лагеря С. Г[ригорьянцем]. Так что мой зять гораздо лучше меня ей может обо всем рассказать. Что же до организации вместе с Новодворской¹ и другими и потом участия в партии «Демократический союз», об этом Лерочка Новодворская аж три книжки написала, все они есть в Интернете, так что воспоминания мои на эту тему и вовсе избыточны.

В заключение остается добавить, что «хвостов» своих постоянных из машины, круглосуточно стоящей возле дома, мы с мужем видели последний раз летом 1988 года. Как-то раз они нас проводили до Курского вокзала и даже в вагон поезда вместе с нами вошли, посмотрели на боковые места и сказали, что надо было к ним обратиться, они бы лучшие места устроили. Мы им отвечать не стали. А когда вернулись из отпуска – ни машины, ни «хвостов». То есть они появлялись эпизодически, когда надо было сорвать мое участие в каких-либо акциях фонда «Гласность», или партии ДС, или группы «Доверие»², но не более того.

Интересно, что в годы перестройки уже не [просто] задерживали на три часа и отпускали [за] участи[е] в демонстрации, а оформляли протоколы по якобы нарушению общественного порядка и волокли в административные суды. Суды эти, как правило, присуждали от 3 до 15 суток изоляции в спецприемнике «Северный» – холодно, грязно и голодно (впрочем, многие, например Лерочка Новодворская и др., на все сутки изоляции объявляли голодовку), но на работу, как обычных не полит[ических] нарушителей, не выводили, или [присуждали] штрафы в размере нескольких минимальных зарплат.

¹ Новодворская Валерия Ильинична – советский диссидент и российский политический деятель. Одна из инициаторов создания «Демократического союза» – первой политической партии, созданной в 1988 г. в качестве альтернативы КПСС.

² «Доверие» (другие названия: «Группа доверия», «Группа за установление доверия между СССР и США») – пацифистская правозащитная группа, образованная в СССР в 1982 г. В 1987 г. ряд ее активистов приняли участие в создании партии «Демократический союз».

Штрафы, а не сутки изоляции, присуждались в основном матерям, имеющим детей до 8 лет. У той же Дебрянской¹ этих штрафов скопилось столько, что их сумма могла быть сравнимой с гос[ударственным] бюджетом. И вот сидим мы как-то с Дебрянской у нее в квартире на видавшем виды коврике, что на полу, потому как из мебели есть единственный стул и тот сломанный, приходит судебный исполнитель описать что-то из мебели за неуплату штрафа, плюхается на этот единственный стул, и мы лицезреем такую картину – исполнитель, точнее, исполнительница, лежит брюхом вверх, а на ней и вокруг обломки стула. Ох она и ругалась, поднявшись и идя к двери, что присылают к таким, у кого и взять нечего, а Женя ей вслед и говорит, что нечего садиться без приглашения хозяев.

С моим судом еще смешнее вышло. Забрали нас с какой-то демонстрации где-то в середине дня, народу много, пока протоколы на всех оформили, пока в суд привезли, время семь вечера. Ну я и говорю судье, что отказываюсь участвовать в процессе без положенного мне по закону адвоката и не лишь бы какого, а того, которого сама выберу. Она переносит суд на неделю для поисков адвоката. Ну сходила я к своему адвокату, а он мне говорит, что адвокат мне не нужен, когда это советский суд адвоката слушал, а нужно, чтоб я пригласила на суд несколько русскоговорящих иностранцев – и им потеха, и мне какая-то гарантия от беспредела.

Ну я и пригласила человек пять из разных стран. Действительно было очень потешно. Судья Митяшин Тверского суда начал спрашивать, где я работаю и какова моя зарплата. Я ему говорю, что моей зарплатой даже муж не интересуется, а уж ему она и вовсе ни к чему. И тут он заявляет: «Как же вы не понимаете: размер наказания зависит от вашей зарплаты!»

¹ Дебрянская Евгения Евгеньевна – журналист, поэт, в 1987–1989 гг. активистка «Демократического союза», впоследствии ЛГБТ-активист.

Потом эта фраза многие газеты обошла. Судья-то имел в виду под наказанием штраф. Иностранцы же все как один поняли, что размер наказания зависит от платежеспособности как способности договориться с судьей за деньги. Мы их разубеждать не стали. С той поры меня ни в какие суды не волокли, даже когда задерживали. А на этом суде присудили какой-то штраф, который я платить не стала, но окольным путем (одноклассница моей дочери работала в суде секретарем) узнала, что кем-то этот штраф оплачен...

...1987-й. Весь январь прошел в поисках работы. Работу искала самую обычную – сторож, вахтер, оператор на телефонной станции, оператор котельной или почтальон на худой конец. Объявлений, что требуется, было много. Не брали нигде. Точнее, вначале, как приходила, встречали любезно и уже готовы были взять, но потом раздавался звонок (я так подозреваю, от моих топтунов, следовавших за мной везде и всюду), лицо кадровика сменялось с любезного на озабоченное, и он начинал бормотать извинения, что в его отсутствие на это место уже взят человек его помощником.

Но спустя две-три недели я набрела на такое место, где во время переговоров с кадровиком никакого звонка не последовало, и меня туда брали, только нужно было в течение недели пройти серьезный медицинский осмотр на все части тела, включая зубы (кстати, зубной дал заключение – ни одного здорового зуба), нарколога, психиатра. В общем, на работу меня взяли. И лишь уже устроившись, я узнала, что все, кто там работают, кроме администрации, направлены на исправительные работы по приговору суда. Я единственная пришла туда сама.

Место работы называлось смешно: товарная железнодорожная станция Канатчиково. Должность и того смешнее: старший оператор станционного технического центра обработки поездной информации перевозочных документов (специально переписала из трудовой книжки – в голове такое ни за что не удержать). А фактически работа была такая: каждые 10–15 минут приходил поезд с 10–15 ваго-

нами, грузы в вагонах разные, все они зашифрованы номерами, например, текстиль за № 1, а военное снаряжение за № 15. Надо, как только прогудел поезд, бежать по шпалам, чтобы взять у машиниста листок с цифровыми наименованиями грузов, на нем проставить направление каждого груза по своей табличке, которую вручают, когда заступаешь на смену (направления тоже зашифрованы: Иваново – № 2, а какой-нибудь закрытый военный городок – № 4 и т.п.), затем в этой рапортчике расписаться, поставить день и время и опять бежать по шпалам и отдать машинисту и постараться сделать это до гудка следующего поезда. И так все 12 часов дневных и ночных попеременно. Такая вот веселая работа.

Февраль был самым замечательным месяцем. Освободили из лагеря первых политзаключенных – сначала женщин, Иру Ратушинскую¹ и Таню Осипову² из Лефортова, куда их дернули из лагеря за два месяца до освобождения в надежде добиться покаянных писем перед освобождением, но так и не добившись, Галину Барац³ и всех других женщин, сидевших в Мордовии, потом мужчин, из которых в первую партию входили Сергей Григорьянц, Василий Барац⁴, Валера Сендеров⁵ и многие другие, но в основном тех, кто был сильно известен на Западе.

Так и выпускали их партиями от более известных до менее известных весь 1987 год. Свобода не коснулась в 1987 году ни сидящих в психушках, ни сидящих солдатиков, арестованных формально за шпионаж, а фактически

¹ Ратушинская Ирина Борисовна – поэт, писатель, в советское время политзаключенная.

² Осипова Татьяна Семеновна – активный участник диссидентского движения, член Московской Хельсинкской группы, политзаключенная.

³ Барац-Кохан Галина Ивановна – диссидент, член группы «Право на эмиграцию», политзаключенная. Жена В.М.Бараца.

⁴ Барац Василий Мартылович – диссидент, член группы «Право на эмиграцию», политзаключенный.

⁵ Сендеров Валерий Анатольевич – диссидент, активист СМОТ, политзаключенный.

за что-то, что не понравилось начальству в их письмах из армии родным и знакомым. К ним свобода пришла значительно позже – в 1988-м.

От каждого освобождавшегося зэка требовали написать бумажку если не покаянную, то хотя бы обещание не заниматься впредь антисоветской (клеветнической) деятельностью. Было у меня хобби во второй половине 1987 года подобные тексты собирать, даже в другие города за этим ездила, при финансовой поддержке Сергея Григорьянца. Потом, к сожалению, пока мы в 1988 году ездили в отпуск, папку со всеми этими текстами украли. Писали люди разное: от [заявлений] типа «считаю, что никогда антисоветской (клеветнической) деятельностью не занимался, не собираюсь и впредь» до «всегда боролся и буду и впредь бороться с советской властью, ибо это дело богоугодное» – и очень много вариантов промежуточных между этими двумя крайними.

Февраль, март и апрель в подробностях не помню. Так, отдельные эпизоды. Помню, как Сергей затеял основать издательство «Гласность» и выпускать журнал с тем же названием, и даже известил об этом занимавшего тогда какой-то крупный партийный пост А.Яковлева¹. В ответ в трех газетах появились статьи о Григорьянце и его подручных как шпионах и пособниках ЦРУ. А еще Сергей купил мне, т.е. не мне, а редакции, но стояла-то она у меня дома и печатала на ней я, электрическую пишущую машинку. Я даже первое время не то что печатать, подходить к ней боялась, чтобы не сломать.

А Сергей, усмехаясь, говорил, что всякое дело должно быть оснащено добротными вещами, что боязнь моя от непривычки. Интересно, откуда такой привычке взяться при наших доходах. Все мои предыдущие машинки ценою

¹ Яковлев Александр Николаевич – советский партийный деятель, один из идеологов политики гласности.

в месячный оклад доставались от отъезжантов на ПМЖ. Купленная Сергеем стоила 8 месячных окладов простого инженера.

Потекли в дом рекой освобождавшиеся зэки, дом превратился в гостиницу. Их ведь надо было не только уложить и покормить, но и помочь выправить документы. Когда человек возвращается из лагеря, где много лет все решали за него, он даже не знает, куда, к кому и как обратиться. Помню, как приехал Василий Барац, попросился пожить на три дня. Уже к вечеру заявил, что ему хорошо бы встретиться с иностранными корреспондентами и он хотел бы это сделать с глазу на глаз. Да пожалуйста, говорю, дочь и муж днем работают, а мне всегда есть куда уйти часа на три-четыре.

Потом Барацы снимали квартиру где-то в двух минутах езды от моего дома, но в квартире этой сидели под арестом ГБ. Их никуда не выпускали, и я им передавала продукты в корзинке по веревке, которую они спускали с 8-го этажа. Один раз веревка порвалась, и хорошо еще, что я вовремя отскочила, а то не было бы ни меня, ни этих воспоминаний.

Еще помню, как мы с Валерой Сендеровым шли по каким-то его делам, пересекали пл. Дзержинского (тогда она еще не была Лубянской) и вдруг Валера присаживается на корточки и громко выкрикивает: «Мяу! Мяу!» Собирается толпа, а у меня в сумке, как всегда, полно бумаг о состоянии неосвободившихся в лагерях и психушках, которые передавались иностранцам. Оказывается, он так приветствовал проходящую мимо кошку. Собралась толпа, но, по счастью, все обошлось.

Весь этот дурдом в доме очень трудно было сочетать с и без того напряженной работой. И как-то я отмочила дивный номерок – послала текстиль вместо Иваново в закрытый военный городок, а в Иваново военное снаряжение. После такого только увольняться, пока начальство бумаги в суд не передало. И я уволилась. Было это в конце апреля...

Послесловие Ирины Лащвер

Конечно, началось все не с маминой сотрудницы Оли Ч., которую с сыновьями не выпускали в Израиль. (Они, кстати, уехали осенью 1978 года, и мама общалась с ней и ее уже тремя сыновьями здесь, в Израиле.)

Одними из моих первых звуковых впечатлений в детстве был этот шум глушилок и пробивающиеся сквозь него «вражеские голоса» каждый вечер. И стук печатной машинки – не все книги можно было купить даже на «черном рынке». Так что на семинар мама пришла в каком-то смысле подготовленной.

Ну а потом, когда на нее наехал КГБ, уже и выбора вроде бы не было. Так что мама любила шутить, что именно сами гэбэшники своим глупым поведением подтолкнули ее к диссидентству.

Для меня перестройка началась, когда, вернувшись в феврале 1987 года домой с сессии, я обнаружила в квартире бритых изможденных мужчин в большом количестве. Это были только что освобожденные политзэки, которые приходили пообщаться или получить от мамы посильную помощь. Упомянутый в тексте Василий Барац учил меня варить чифирь. С кем-то до сих пор поддерживаю добрые отношения.

Весной 1987 года у нас в квартире отключили телефон, понятно, что не за неуплату. Приходилось бегать в телефон-автомат во дворе. С лета до поздней осени под нашими окнами дежурила машина с «топтунами». Мы иногда с мамой развлекались, выгуливая их поздно ночью. Выходили из дому и шли бродить по району. Тогда они, чертыхаясь, вылезали из машины и брели за нами.

Еще был забавный случай в августе 1991 года. Накануне мы всей семьей веселились на свадьбе приятеля. А наутро меня разбудил звонок подруги из Израиля, которая сообщила о путче. Я побежала будить маму, мол, надо срочно уносить и прятать книги, журналы... На что мама, приоткрыв спросонья глаза, ответила: «Ты что думаешь, мы будем первыми, к кому придут? Еще есть время, не мешай спать».

Часть 5. Библиография

Краткий аннотированный библиографический список малотиражных (менее 100 экз.) изданий, хранящихся в библиотеке Международного Мемориала (по жанрам)

**Приложение к статье «Рукописное»
как «печатное»?.. «Печатное» как «рукописное»?..**

Составитель Борис Беленкин

Воспоминания, дневники, письма

Барина А.Ф. Девять лет. М.: Компания «Спутник», 2005. 254 с. 50 экз. Документальная повесть: исключение из партии мужа, сотрудника НКВД в Хабаровске, его арест в 1937 г., арест автора в 1937 г., следственная тюрьма в Хабаровске, Карлаг, освобождение в 1946 г. Повесть была написана в 1963 г.

Беленький В.П. Борьба за права человека в современной России : (Опыт, документы, факты, комментарии, размышления). М., 2006. 78 с. 10 экз.

История семьи, жизнь автора у родственников после расстрела родителей в 1937 г. Рассказ о борьбе автора за право проживания в Санкт-Петербурге (по месту жительства родителей). Изложены ход и содержание судебных процессов – от судов первой инстанции до Верховного суда РФ. Юридическая помощь, оказанная «Мемориалом» автору в суде.

Вайшвиллене Н.А. Судьба и воля, или Горькие воспоминания. Магадан: АО «МАОБТИ», 1998. 96 с. : ил. 50 экз.

Автор, уроженка Литвы, была арестована в 1946 г. в Каунасе, срок отбывала в Кемеровской области и на Колыме, освобождена в 1955 г.

Дорогами памяти : Сборник воспоминаний. Вып. 1. Смоленск: ГМК «Катынь», 2003. 112 с. 50 экз.

Воспоминания о репрессированных, отрывки из исследовательских работ учащихся смоленских школ: аресты, положение членов семей, оставшихся на свободе, раскулачивание, жизнь в местах спецпоселения, расстрелы в Катынском лесу.

Дорогами памяти : Сборник воспоминаний. Вып. 3. Смоленск: Мемориал «Катынь», 2005. 112 с. 50 экз.

Сборник интервью – воспоминания репрессированных и их родственников. Большая часть записана научными сотрудниками Мемориала «Катынь».

Измайлов Б. Выплеснутые революцией. [Биробиджан, 2007]. 74 с. : ил. 50 экз.

Воспоминания: детство в Харбине, служба в Японской военной миссии в 1949 г. на территории Маньчжурии, арест советскими органами НКВД, лагерь в Красноярске, работа на лесоповале, Норильлаг, Норильское восстание 1953 г., освобождение в 1955 г.

Квятковский Е.Р. И все по жизни... : Стихи, статьи, воспоминания. Томск, 2007. 292 с. : ил. 50 экз.

Стихи Е.Р.Квятковского, воспоминания об отце и жизни семьи после его расстрела в 1937 г., отрывки из публикаций в прессе Томской области, в которых отражена производственная деятельность Квятковского. Материалы следственного дела Р.Б.Квятковского. Отец автора – поляк по национальности – был арестован и расстрелян по обвинению во вредительстве и диверсионной деятельности.

Лурье А.Г. История семьи. М., 2007. 250 с. [30] экз.

Очерки о нескольких семьях: отца, матери, жены. Деятельность отца автора – Г.И.Лурье – в Бунде (до революции 1917 г. и в первые годы после нее), жизнь семьи в Москве (с 1923) в доме Общества политкаторжан, работа отца в Центросоюзе (1923–1930), увольнение из Центросоюза после чистки, арест отца в марте 1938 г., сведения о реабилитации отца. Арест отца жены – П.С.Черненко – в сентябре 1937 г. Жизнь детей после арестов родителей. Воспоминания о работе инженером-нефтяником в 1950–1970-е годы, августовском путче 1991 г.

Любченко М.П. «Только вы с сыночком не забывайте меня». М.: [Компания Спутник+], 2007. 60 с. 70 экз.

Публикуются лагерные письма за 1935–1937 гг. и стихи, написанные в Карагандинском ИТЛ и на Соловках, адресованные жене и сыну. М.П.Любченко – журналист и дипломат, арестованный в 1934 г. и расстрелянный в 1937-м.

Макаров Б.Н. Сборник былей. М.: Компания «Спутник», 2007. 187 с. 50 экз. Примеч.: Дарственная надпись.

В беллетризированной форме автор рассказывает о своей судьбе и судьбах своих знакомых. Мемуары охватывают период с 1938 по 2001 г.

Мамаева Е.А. Жизнь прожить... М.: КОПИ-ЦЕНТР, 1998. 149 с.: портр. 50 экз.

Воспоминания жены репрессированного, арестованной в 1937 г., охватывают период с ее детства (1910-е годы) до конца 50-х годов. Дано подробное описание Акмолинского лагеря № 26 (АЛЖИР).

Островский В.Ф. Коммунисты без партбилетов. М., 2007. 55 с. 20 экз.

Воспоминания написаны в начале 1960-х годов после публикации в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича». Арест в феврале 1938 г. в Москве, внутренняя

тюрьма НКВД на Лубянке, Таганская тюрьма, пытки в ходе следствия, лагерь в верховьях р.Вычегда (Локчим-лаг, Коми АССР), работа в Управлении лагеря, проблемы со снабжением лагеря во время войны, встречи в лагере с Е.И.Калининой, женой М.И.Калинина.

Пикунов П.В. Путь как жизнь. Жизнь как дорога. Б.м., б.г. 39 с.: 4 л. ил. [50] экз.

Воспоминания: арест отца в апреле 1935 г., жизнь семьи в эвакуации в Омске во время войны. Публикуются документы из следственного дела отца, документы о его реабилитации в 2001 г.

Порцевская И.Г. Свидетельство о рождении. Владимир, 2008. 82 с. 50 экз.

Арест и расстрел отца, врача-эпидемиолога, в 1937 г. в Алма-Ате, арест матери в том же году во Фрунзе, жизнь семьи (бабушки с внучками) во Фрунзе, в том числе во время войны. Рассказы матери об этапе и пребывании в лагере, о сокамерницах.

Постников С.П. «Мои литературные воспоминания»: К истории одного журнала. Архангельск: [ООО «Издат. центр СГМУ»], 2007. 35 с. 60 экз.

Воспоминания об издании журнала «Заветы» (1912–1918), российской журналистике начала XX в. В предисловии краткие биографические сведения об аресте Постникова органами НКВД в 1945 г., пребывании в лагере и эмиграции.

Суровцова-Олицкая Н. Колымские силуэты. Архангельск: [ООО «Издат. центр СГМУ»], 2007. 62 с. 30 экз.

Рассказы о колымских лагерях, в том числе о женщинах-заклоченных и о детях, родившихся в лагере.

Без вины виноватые. Сов. Гавань, 2009. 47 с. 70 экз.

427 биосправок на репрессированных граждан, в 1920–1950-е годы проживавших в Советском районе Хабаровского края. Сведения взяты из Книги памяти Хабаровского края «Хотелось бы всех поименно назвать».

Маракоў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі : Энциклапедычны даведнік : В 10 т. Мінск. 50 экз.

Т.4. Рэпрэсаваныя настаўнікі. Кн. 1 : Абметка – Мяшальскі. 2007. 440 с.

Т.4. Рэпрэсаваныя настаўнікі. Кн. 2 : Набаровіч - Яцына. 2007. 384 с.

В двух книгах четвертого тома содержится более 3000 биографических справок на работников детских домов и детских садов, преподавателей гимназий, училищ, семинарий, арестованных в Минске в 1920–1950-х гг. и реабилитированных с конца 1950-х до середины 1990-х годов. Содержание справки: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, образование, место служения, дата ареста, сведения о судьбе после ареста и о реабилитации. Полнота справок варьируется в зависимости от имеющихся данных. Сведения взяты из различных опубликованных источников конца XIX – начала XXI в. (российских, казахстанских и белорусских Книг памяти, частных и государственных архивов Белоруссии и др.).

Расстреляны Архангельской Губчека (1920–1921 гг.). Архангельск: Боргез, 2001. 15 с. 50 экз.

7 отдельных списков (в сумме 300 имен). В основном жители Архангельска и Архангельской губернии. Указаны фамилия, имя, отчество, в некоторых случаях возраст и социальное происхождение.

Яловенко А.Ф. Тайны Верхнеуральского политизолятора : В 2 ч. Челябинск, 2010.

Ч. 1. 388 с. 50 экз.

Ч. 2. С.389–688. 50 экз.

История создания. Биографии некоторых заключенных, находившихся в изоляторе до 1917 г. и в 1917–1950 гг.

Монографии

Аронов М. Александр Галич. М.; Ижевск: R&C Dynamics, 2010. 1036 с. 50 экз.

Полная биография А.А.Галича.

Библиография содержит более 600 названий на русском и английском языках: публикации произведений Галича, монографии и статьи, посвященные его творчеству, дневники и воспоминания.

Боева Л.А. Деятельность ВЧК–ОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму (1921–1924 гг.). М.: Компания Спутник+, 2003. 151 с. 50 экз.

Роль и место ВЧК в политической системе Советской России. Реформа ВЧК–ГПУ–ОГПУ (1922–1924). Контроль за политическими настроениями населения. Методы борьбы ВЧК–ОГПУ с политическими противниками советской власти. Разгром эсеровских и меньшевистских организаций.

Иванов П.С. История тверской епархии в XX столетии. Ч. 1 : (1900–1939 гг.) Тверь, 2009. 112 с. 50 экз.

Архитектура и иконопись Тверской епархии в начале XX в., участие тверского духовенства в русско-японский и Первой мировой войнах. Приход и приходские структуры в тверской деревне начала XX в.: особенности «народного православия», бытовая обрядность, реформа приходской жизни в епархии в 1914–1917 гг. Аресты священнослужителей и верующих мирян, закрытие храмов, изъятие цер-

ковных ценностей, ликвидация церковных общин, антиклерикальная пропаганда. Репрессии против тверского духовенства в ходе «большого террора» в 1937 г.

Михеев В.И. Основные направления деятельности органов ГПУ–ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 годах. М.: Спутник, 2003. 236 с. 50 экз.

Деятельность органов государственной безопасности Центрально-Черноземного региона в период пэпа, коллективизации и раскулачивания. Историография проблемы. Процесс формирования сил и средств органов ГПУ–ОГПУ. Правовое обеспечение деятельности органов ГПУ–ОГПУ по борьбе с бандитизмом и вооруженными выступлениями. Выявление организованных групп сопротивления. Особенности организации и тактики противодействия политическому и социальному экстремизму. Локализация основных проявлений повстанческого движения.

Прядилов А.Н. Крах Российской империи : (Свидетельства и суждения участников и очевидцев). М.: Прометей, 2005. 235 с. 30 экз.

Анализ внутренних причин крушения в России монархического строя и поражения Белого движения, связанных с состоянием общества и моральной атмосферой в среде его руководителей и участников. Рассматриваемые темы: социально-политическая и экономическая ситуация в России в начале XX в., император и его окружение, февральские события, отречение императора, Гражданская война, формирование вооруженных сил, решение вопросов о власти, государственном устройстве и о земле, политика союзников, снабжение вооруженных сил, спецслужбы Белого движения, белый террор.

Смыкалин А.С. Специальные места лишения свободы в пенитенциарной системе Советского государства : (Историко-правовое исследование). Екатеринбург, 2010. 164 с. 55 экз.

Историографический обзор советских публикаций о системе исправительно-трудовых учреждений в СССР в 1920–1950-е годы. Развитие пенитенциарной системы в 1920–1950-е годы. Специальные места лишения свободы: особые технические бюро («парашки»), специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, особые лагеря и особые тюрьмы МВД СССР. Правовые основы деятельности, внутренняя организация деятельности специальных пенитенциарных учреждений (бытовые условия, медико-санитарное обслуживание, культурно-воспитательная и идеологическая работа, формы проявления заключенными социального протеста).

Соколов В.Р. Россия будет жить : Размышления по истории и демографии. М.: Компания «Спутник», 2001. 201 с. : ил. 50 экз.

Пolemические размышления автора об истории и современных проблемах российского общества.

Сборники научных статей

Власть и общество : (Проблемы всеобщей и отечественной истории) : Сборник научных статей преподавателей кафедр всеобщей и отечественной истории исторического факультета НТГПИ. Ниж. Тагил, 1997. 115 с. 50 экз.

Из содерж.: Кириллов В.М. Невьянское восстание. (К вопросу об отношении населения Урала к установлению советской власти); Ермаков А.В. Урал в планах нацистской Германии (1940–1944 гг.); Поршнева О.С. Февральская революция и формирование спектра военно-политических взглядов общественности Урала (весна–лето 1917 г.).

Учебники, методические пособия

Антропов О.К. История отечественной эмиграции : Кн. 4. Третья волна отечественной эмиграции. Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ун-та, 1999. 150 с. 50 экз.

Диссидентское движение в СССР. Анализируются русское национальное и правозащитное направления в диссидентстве. Катакомбная культура в СССР. Литература и искусство третьей волны эмиграции. Национально-этническая эмиграция (немецкая и еврейская). Краткий очерк четвертой волны эмиграции (конец 1980-х – 1990-е годы.).

Ковальчук Л.В. Методические рекомендации по описанию архивно-следственных дел / Одес. академ. центр, Междунар. проект «Возвращенные имена». Одесса, 2002. 40 с. 50 экз.

Предварительный вариант методики, в перспективе предназначенной для Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР. Публикуются образец анкеты репрессированного, примеры описания персональных и групповых дел.

Материалы конференций, семинаров, «круглых столов»

Исторические чтения на Лубянке, 2008. М.: Кучково поле, 2009. 179 с. 70 экз.

Из содерж.: Петров Н.В. Советские органы госбезопасности и организация диверсионно-террористического направления работы в годы войны, 1941–1945; Вольхина В.Л. Экономический шпионаж на Урале в период нэпа (на примере так называемого «платинового дела»). Темы некоторых статей: организация пограничной службы в СССР, советская пограничная политика в 1917–1941 гг.

Материалы межрегионального семинара «Возможности структурного взаимодействия в работе над темой “Политические репрессии”» // Информационный вестник № 5, 29.10.2004 / Упр. культуры администрации Краснояр. края, Краснояр. культ.-ист. музейный комплекс. Красноярск, 2005. 93 с. : ил. 30 экз.

Из содерж.: Ханевич В.А. Томский мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД»; Бабий А.А. Просветительский проект общества «Мемориал»; Моисеева И.Н. Первая историко-правовая экспедиция Енисейского педагогического училища и Красноярского отделения Общества «Мемориал»; Ефремов И.В. О деятельности Братского отделения Общества «Мемориал». Публикуются Закон РФ (с изменениями и дополнениями на 2004 г.), Закон Красноярского края «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий».

Методический семинар для исследователей, работающих по теме «Политические репрессии в СССР», 29 сент. 2005 // Информационный вестник № 6; Агентство культуры администрации Краснояр. края, Краснояр. культ.-ист. музейный комплекс, регион. обществ. орг. Краснояр. ист.-просветит., правозащит. и благотворит. О-во «Мемориал». Красноярск, 2006. 120 с. 30 экз.

Из содерж.: Бабий А.А. Презентация методического компакт-диска по изучению истории политических репрессий в Красноярском крае. Темы некоторых статей: Игарский музей, Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», репрессии против местных партийных работников в 1930-е годы, политика государства в отношении спецпоселенческих групп (поляки, евреи, немцы).

Репрессированная интеллигенция Красноярья : Музейные чтения, 24 окт. 2006 г., Красноярск // Информационный вестник № 8; Агентство культуры администрации Краснояр. края, Краснояр. культ.-ист. музейный комплекс, Краснояр. ист.-просветит., правозащит. и благотворит. О-во «Мемориал». Красноярск, 2007. 56 с.: ил. [30] экз.

Тематика статей: «большой террор» в Красноярске, судьбы отдельных людей (художник Г.Д.Лавров, ученый

В.А.Головин), Мало-Минусинский Польский детдом, групповые дела в период «большого террора» (дело «Краевого бюро», массовые аресты вузовских педагогов, разгром Общества изучения Красноярского края и Филармонического общества).

Публикация документов

Всеволод Вячеславович Белостян (1899–после 1941) : Каталог иконографических материалов : К 110-летию со дня рождения. М., 2010. 50, [18] с. : ил. 40 экз.

Описание частного архива семьи Белюстиных: фотографии, на которых запечатлен В.В.Белюстин, его предки и родственники. Краткие биографические сведения о лингвисте, переводчике и теософе В.В.Белюстине (известен как «Граф Сен-Жермен» и «Московский Розенкрейцер»), арестованном в июне 1940 г. и вскоре погибшем в заключении.

Дойков Ю.В. Немецкий социолог – Герман Ахминов. Архангельск, 2006. 92 с. 30 экз.

Материалы следственного дела Феофила Филипповича Ахминова (отца Г.Ф.Ахминова), расстрелянного в 1938 г. Письма Г.Ф.Ахминова А.И.Солженицыну, А.Д.Сахарову, В.Е.Максимову, Л.И.Брежневу о судьбе его младшего брата, живущего в СССР и подвергавшегося преследованиям.

Документы Национального архива Республики Беларусь о чехословацком кризисе 1968 года : Справочник. Минск: НАРБ, 2008. 173 с. 50 экз.

Документы, хранящиеся в архиве и отражающие советско-чехословацкие отношения в 1968–1969 гг. Информации ЦК Компартии Белоруссии для ЦК КПСС о настроениях в обществе и реакции населения на чехословацкий кризис.

Часть документов публикуется полностью, часть – только легенды.

Сапон В.П. Нижегородские левые эсеры и анархисты в 1917–1918 гг. : Материалы для семинарских занятий. Нижн. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2010. 38 с. 60 экз.

Публикуются документы из архивов Нижегородской области и материалы из местных периодических изданий, иллюстрирующие участие левых эсеров и анархистов в развитии политических процессов в Нижегородской губернии в годы революции 1917 г. и Гражданской войны.

Якутии верный сын... : Архивные документы о Сидорове С.И., 1914–1943 гг. / Нац. архив Респ. Коми, Коми респ. благотворит. обществ. фонд жертв полит. репрессий «Покаяние». Сыктывкар, 2008. 21 с. 61 экз.

Подборка документов о директоре Госархива Коми АССР С.И.Сидорове, арестованном в 1941 г. и погибшем в лагере в 1943 г.

Библиографические указатели

Илькевич Н.Н. Алексей Александрович Забелин : К 10-летию со дня смерти : Биобиблиографический указатель. Смоленск: Годы, 2011. 23 с. (Библиотека журнала «Годы». Вып. 91 . Библиография). 40 экз.

Полный перечень публикаций А.А.Забелина: книги, театральные и книжные рецензии, научные и научно-популярные статьи.

Политические репрессии в Коми крае (20–50-е годы) : Библиографический указатель / Нац. б-ка Респ. Коми, Коми респ. благотворит. фонд жертв полит. репрессий «Покаяние». Сыктывкар, 2004. 238 с. 50 экз.

То же. Сыктывкар, 2006. 300 с. 50 экз.

В указатель вошло более 2000 названий: книги центральных и региональных издательств, статьи, опубликованные в периодических изданиях, выходящих в Республике Коми. Литература сгруппирована по темам: отдельные лагеря, раскулачивание в Коми крае, роль ГУЛАГа в экономике, культуре и науке, репрессии против отдельных социальных групп и слоев населения, воспоминания репрессированных, увековечение памяти жертв репрессий, деятельность Общества «Мемориал», персоналии (более 1000).

Художественная литература

Булгаков В.А. Пять оленей : Сб. стихов. М.: Эребус, 1997. 175 с. 50 экз.

Стихи, написанные в заключении в 1950-е годы и после освобождения.

Владимов Г. Верный Руслан. Большая руда. М.: Издат. дом «Дейч», 2009. 360 с.: ил. 99 экз.

Подарочное иллюстрированное издание из серии «СССР». Много цветных иллюстраций, в том числе репродукции произведений из коллекции Музея «Творчество и быт ГУЛАГа» Международного Мемориала (Б.Свешников, М.Рудаков, Г.Вагнер и др.).

Елегечев И.З. Голгофа : Роман-трагедия. Ч. 1. Оккупация. Тамбов: Центр-пресс, 1997. 345 с. 20 экз.

В основе повествования события российской истории начиная с 1917 г. Одно из главных событий романа – крестьянское восстание под предводительством Антонова (1920–1922).

Елегечев И.З. Голгофа : Роман-трагедия. Ч. 2. Белый дом. Тамбов, 1994. 10 экз.

Настоящее издание – конвалют; кроме части второй (271 с.) включает части третью «Карантин» (270 с.) и четвертую «Аз – есмь!» (66 с.).

Уральский Б. Исповедь. М., 2011. 90 с. (Из архива В.В.Португалова). 66 экз.

Стихи. Автор (настоящее имя – Борис Владимирович Поносов) был репрессирован, умер с ссылке. В издании факсимильно воспроизведена детская книга стихов Уральского «Крестовый поход» (1930)¹.

Чумаченко А.А. Итоги. М., 2011. 90 с. (Из архива В.В.Португалова). 66 экз.

Книга стихов забытой русской поэтессы Ады Артемьевны Чумаченко (1887–1954).

¹ Две последние книги – из числа (около 50 названий!) подготовленных и изданных московским независимым издателем-одиночкой Татьяной Ивановной Иваевой (см.: www.marchesap.ru).

Сведения об авторах

Беленкин Борис Исаевич – заведующий библиотекой Общества Международный Мемориал

Комароми Анна (*Ann Komaromi*) – доцент Центра компаративного литературоведения Университета Торонто, phd

Кострюкова Анастасия – аспирант Центра компаративного литературоведения Университета Торонто

Кузовкин Геннадий Валерьевич, руководитель исследовательской программы «История инакомыслия в СССР» Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал»

Кучанов Илья Семенович – главный библиотекарь ГПИБ России, кандидат исторических наук

Лашвер Ирина Рудольфовна – сотрудник компьютеризированной археологической лаборатории Института археологии при Еврейском университете (Иерусалим)

Макаров Алексей Алексеевич – сотрудник Архива истории инакомыслия в СССР Общества Международный Мемориал

Поселягин Николай Владимирович – преподаватель кафедры теории дискурса и коммуникации филологического факультета МГУ, кандидат филологических наук

Струкова Елена Николаевна – заведующая сектором фонда нетрадиционной печати ГПИБ России, кандидат исторических наук

**Елена Николаевна Струкова,
Борис Исаевич Беленкин, составители**

**АСТА SAMIZDATICA /
ЗАПИСКИ О САМИЗДАТЕ**

Альманах

**Редактор Л.С.Еремина
Корректор Г.В.Заславская**

Подписано в печать 6.11.2012. Формат 84x108/16.

Бумага офсетная № 1.

Уч.-изд. л. 8,5. Усл.-печ. л. 4,5. Тираж 500 экз.

Типография ГПИБ России. Заказ 25.

Государственная публичная историческая библиотека России
101990 Москва, Старосадский пер., 9, стр.1

Международный Мемориал, издательство «Звенья»
127051 Москва, Малый Каретный пер., 12.

АЛЬМАНАХ

пилотный выпуск